

ОЛЬГА
ГРИБОВА

ОХОТНИК НА
ВАМПИРОВ
ТЬМА

16+

Ольга Грибова

Охотник на вампиров. Тъма

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Грибова О.

Охотник на вампиров. Тьма / О. Грибова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Влад Климентьев, охотник на нечистую силу, с детства усвоил одну истину: вампиры – злейшие враги. Он не мечтал о вечной молодости, но что ему делать, если он сам стал кровопийцей? Как научиться жить снова, да еще и в полном одиночестве? Ведь отныне Влад видит в близких людях предателей, а себя считает изгоем. Удастся ли ему примириться со своим новым «я» и понять, что поступок родных был продиктован одной лишь любовью?
Заключительная книга серии "Охотник на вампиров"

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Жизнь после смерти	7
Глава 2. Ах, ваши очи чернее ночи	12
Глава 3. Скажи мне правду, а лучше солги	16
Глава 4. Чужой среди своих	19
Глава 5. Подарок на новоселье	26
Глава 6. Опасные связи	30
Глава 7. Я расскажу тебе сказку	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Грибова

ОХОТНИК НА ВАМПИРОВ. ТЬМА

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью, -
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.
Анна Ахматова «Разрыв – 3. Последний тост»

Пролог

Каково это умереть? Вряд ли кто-то сможет ответить на этот вопрос. Собственная смерть такая ненадежная вещь. Нельзя точно сказать, когда она с тобой случится, да и поведать другим «как это было», передать, так сказать, опыт подрастающему поколению тоже не выйдет. Но что испытывает человек в момент смерти и чувствует ли он вообще что-нибудь? Интересно, не правда ли?

Сам того не желая, я получил уникальный шанс не только в полной мере насладиться смертью, ощутить, как её костлявая рука по капле выдавливает жизнь, но мне также выпала возможность поделиться впечатлениями с другими.

Глава 1. Жизнь после смерти

Последнее мое прижизненное воспоминание – рука Грэгори, испаряющая мой живот. Мерзавец, что сумел так легко проделать во мне дыру размером с кулак, обладал недюжинной силой. Внутри меня словно разорвалась атомная бомба. Взрывная волна смяла и покорежила все внутренности. Я еще видел и слышал окружающее, но расстояние, что отделяло меня от реальности, неукоснительно росло. Я точно проваливался в бесконечно глубокую яму, как Алиса, по глупости следовавшая за белым кроликом. Но если любопытную девочку впереди ждало море захватывающих приключений, то мой путь вскоре должен был оборваться. Я понимал это как никогда четко. Моей жизни, всему, что я когда-либо ценил и любил, пришел конец. То есть, конечно, все это останется, но вот меня уже не будет.

Я в последний раз обвел глазами зал, где лишь несколько минут назад стал мужем самой прекрасной девушки на свете. Но все это было так безмерно далеко от меня, будто прошла целая вечность. А может, это вовсе был не я, а кто-то другой? Глаза почти закрылись, когда в поле зрения попала Амаранта. Какое искреннее горе было написано на её красивом лице! Мне вдруг сделалось стыдно, точно я предатель, выдавший фашистам местонахождение партизан. Меньше всего мне хотелось оставлять её одну. Как она будет без меня? Сумеет ли позаботиться о себе или Грэгори добьется желаемого и подчинит Эмми?

Приступ тоски длился одно мгновение, а потом мне стало так легко и радостно, что все остальное потеряло смысл. Веки закрылись, и я воспарил.

На время связь с реальностью была потеряна, а вместе с ней меня покинула и тревога. Я перестал волноваться за Амаранту. Удивительно, но смерть оказалась довольно приятной штукой. Стоит ли объяснять, почему я почувствовал себя обманутым, когда очнулся в больничной палате?

Я всерьез полагал, что для меня все кончено, и только изумлялся: где задержался мой персональный свет в конце туннеля? Признаюсь честно, первое, что испытал, увидев белый потолок над головой, – это разочарование. Потом уже, вспомнив, как нелепо попался в руки Грэгори – впервые в жизни револьвер дал осечку – я в полной мере ощутил себя неудачником. Это было в новинку для меня. Госпожа Фортуна всегда приберегала для меня местечко среди фаворитов. Так что произошло? Как я умудрился так бездарно подставиться под удар?

Ответ пришел неожиданный и до того простой, что я еле сдержал стон сожаления. Каким же идиотом я был! Собственными руками растоптал свою жизнь и обрек себя на смерть. Мысленный образ черной ведьмы Кати самодовольно улыбнулся. Она получила своё сполна. Небольшая частица моей удачи, отданная ведьме в уплату за услугу, будет стоить мне жизни. А ведь говорил мне папа: не лезь к колдунам, они, как привокзальные мошенники, обернут тебя до нитки, да так хитро, что ты еще останешься им благодарен, по крайней мере, до тех пор, пока не придет час расплаты. Настало моё время платить по счетам.

Я собирался поведать об этом Амаранте, чтобы она не повторяла моих ошибок. Умом понимал, что пришло время прощаться. Но боль вернулась вместе с сознанием и спутала мысли. Внизу живота будто разлили горячее олово. Оно жгло мне кожу и вот-вот должно было добраться до внутренних органов. Но я собрал последние силы и открыл глаза, чтобы последний раз посмотреть на любимую. Не знаю, как нам удалось сбежать от Грэгори, да это и не важно. Главное у меня был шанс еще раз сказать Амаранте, как сильно я её люблю.

Эмми склонилась надо мной, и я ощутил пряный запах цветов шиповника, идущий от беспросветно черных волос. Я буду скучать по её сияющим, ярким глазам цвета крыльев бабочки Морфо Менелай. Или после смерти ничего нет? Лишь пустое ничто.

Я не успел ужаснуться этой мысли, как меня словно гигантским пылесосом втянуло куда-то вглубь собственного сознания. Свет померк, и я со всей определенностью понял – вот оно. Я совершенно точно умираю.

Больше сознание не возвращалось. Я плавал где-то в бесконечных просторах космоса. Не было боли, не было мыслей, ничего не было. Только чувство полета. Я – надутый горячим воздухом воздушный шар, летящий в никуда. И это здорово.

Смерть оказалась гуманной женщиной. Её объятия были сладки, как объятия любимой. Она мягко убаюкивала меня, и я падал все ниже и ниже. Тонкая нить связи между моей душой и телом натянулась и почти оборвалась. Оставался один последний рывок, и я обрел бы свободу, но не тут-то было.

В самый последний момент, когда я окончательно простился с миром живых, меня грубым образом вернули назад. Это было сродни шоку. словно чья-то рука схватила мое сердце и насильно заставила биться. Сначала один удар, потом второй, третий. Ритм постепенно восстанавливался, но что-то в нем было не так. Кровь превратилась в густую, вязкую массу, ее невыносимо трудно было протолкнуть в сужившиеся сосуды. Но сердце упорно продолжало бороться, разнося по телу ядовитую кашу.

Душа встрепенулась, изумленно оглядываясь назад – туда, где за жизнь боролось тело, и... не пожелала возвращаться. Ей там было не место. Последняя связующая нить оборвалась. И мы остались одни – тело и разум. Без души. Горче этой потери в моей жизни не было.

А потом пришла она – госпожа Боль – и накрыла меня своим покрывалом. Не осталось ни одной клетки или косточки, которым бы она не уделила внимания.

Я наивно думал, что знаю, что такое боль. Род моих занятий предполагает тесное знакомство с ней. Я множество раз ломал кости, монстры пытались полакомиться мной. Но я ошибался. Боль может быть куда более мучительной, настолько всеобъемлющей, что бедное сознание просто не в состоянии вместить её. Боль адская, нестерпимая, жгучая завладела моим телом, выжигая его как беспощадное солнце пустыню. Меня точно напалмом облили и подожгли. Я горел. Если в этой вселенной, в самом деле, существуют адские костры, то я жарился на одном из них.

Моя агония была ужасной и бесконечно долгой. Единственное чего я желал – это смерти. Господи, металось сознание в тщетной мольбе, дай мне умереть. Пусть весь этот кошмар закончится раз и навсегда. Просто позволь мне умереть. И Бог услышал меня. Порой даже он бывает милосердным.

Сердце натужно бухнуло в последний раз и замерло. Вот он – конец, с радостью подумал я. Прошла минута, другая. Сердце молчало. Кислород больше не обогащал кровь, она не несла его к органам. Мое тело умерло. Для меня это было очевидно. Одного не мог понять: что я до сих пор здесь делаю?

Может, я привидение? Неупокоенная душа в поисках мести? Мысль глупая, но как еще объяснить происходящее? Я никак не мог сосредоточиться на настоящем, а все потому, что боль, наконец, отступила, оставив после себя искалеченное тело и сошедший с ума от невыносимых пыток разум. Хотелось плакать и смеяться одновременно. Мне было так хорошо и вместе с тем так плохо.

Надо открыть глаза. Простое действие, но до чего же страшно решиться. А что, если вокруг ничего нет? Только непроглядная тьма. Я сделал пару глубоких вдохов, попутно отметив, что дышу. Это приободрило. Что может быть лучше полноценного вдоха? Но часть сознания вежливо напомнила, что сердце по-прежнему не бьется. Я отмахнулся от назойливой мысли. Раз могу дышать, значит и с сердцем как-нибудь разберемся. Всему свое время.

Распахнул глаза. Взгляд уперся в низкий бетонный потолок. Между стыками плит просачивалась вода. Капли медленно набухали, а потом срывались вниз – отчаянные самоубийцы

– и насмерть разбивались о земляной пол. Некоторое время я наблюдал за их безнадежным полетом, пока это занятие мне не наскучило.

Приподняв голову, рассмотрел неровные стены, кованную металлическую дверь с маленьким наглухо закрытым окошком. Справа от входа стояла тумба. На ней наполовину сгоревшая свеча. Воск оплыл, превратив некогда стройную красавицу свечку в уродливое кособокое чудище. Света едва хватало, чтобы осветить угол за тумбой, но мне, странное дело, было все отлично видно. Окон в помещении не было, так что выяснить, день сейчас или ночь, не представлялось возможным.

Я лежал на больничной каталке, вокруг приборы жизнеобеспечения, но все они выключены. Похоже, я больше не нуждаюсь в их помощи. Вроде я жив, но сомнения оставались. Покоя не давало сердце, упорно не желающее биться. Это вообще нормально – очнуться в погребке с тишиной в груди, но чувствовать себя при этом отлично? И спросить-то не у кого. В комнате я один.

Я рискнул сесть. Вышло даже лучше, чем предполагал: ни головокружения, ни тошноты. Только дискомфорт внизу живота, словно кто-то схватил меня за кишки и тянет. Я положил руку на живот в надежде избавиться от неприятного ощущения или хотя бы определить с его источником. Пальцы погрузились во что-то прохладное и скользкое, будто вместо кожи у меня склизкая чешуя. Может, это перерождение, и я теперь и не человек вовсе, а какое-нибудь земноводное? Как там в Буддизме – всем воздастся по заслугам. Или это из другой религии, а может, и не из религии вовсе? Я никогда не был силен в теософии и сейчас горько жалел о пробелах в образовании. Могло бы пригодиться.

Допустим, я теперь кто-то вроде ящерицы. Это хорошо или плохо? Так быстро однозначного ответа не найти. Я призадумался, поднял руку, намереваясь пригладить волосы, и замер, в одно мгновение уяснив для себя две вещи: во-первых, я пока еще человек, по крайней мере, руки у меня вполне человеческие; во-вторых, я, кажется, истекаю кровью. Ладонь была перепачкана бурой субстанцией, которая при определенной доли фантазии могла сойти за кровь. Беспокоило только то, что она была вязкой и липла к пальцем, как клей. При одной мысли, что эта гадость течет внутри меня, стало противно, и я торопливо вытер руку о край простыни, что свисала с каталки.

Я набрался храбрости и опустил голову, чтобы взглянуть на живот. Приподнял больничную рубашку и нахмурился. Увиденное озадачивало. Я серьезно задумался. Теперь хотя бы понятно, почему сердце не бьется. Я бы на его месте тоже не стал этого делать.

Четко по центру живота (прошу обратить особое внимание – моего живота!) зияла огромная рана. Кожа свисала рваными кусками, мясо и части внутренностей едва не вываливаются наружу, кровь алой коркой запеклась вокруг. Я медленно опустил рубашку, скрывая неприглядное увечье, и скрестил руки на животе, чтобы предотвратить выпадение части меня мне же на ноги. Сомнений больше не осталось – я окончательно и бесповоротно мертв. И это не лечится.

Так жутко мне еще никогда не было. Я невольно заметил тенденцию этого дня – все сегодня впервые. Например, я впервые мог думать и не дышать. Я впервые сидел с огромной дырой в животе и чувствовал себя при этом вполне сносно. Мое сердце впервые не билось, а мне хоть бы хны.

Не знаю, сколько так просидел, придерживая руками собственные кишки и тупо пялясь на дверь, в попытке привыкнуть к мысли, что я умер. Не так-то это просто очнуться и понять, что тебя нет среди живых. Постепенно искалеченная осознанием собственной смерти психика восстанавливалась, и в голову начали приходить интересные вопросы. Например, я задумался, как, собственно, получилось: я мертв, но при этом все еще жив. Парадокс.

Наконец, отважился спустить ноги с каталки. Босые ступни коснулись влажного пола, и я внутренне напрягся, ожидая почувствовать неприятный холодок, но ничего не произошло.

Умом я понимал, что пол стопудово ледяной, но ногам было на это плевать. Они не испытывали дискомфорта. Это придало мне смелости, и я встал, придерживаясь одной рукой за каталку, а другую прижимая к многострадальному животу. От входа меня отделяло всего пара шагов. На негнувшихся ногах я преодолел это расстояние и повис на металлической двери, упершись в неё лбом и плечами. Дернул ручку – заперто, причем снаружи. Кто-то позаботился о том, чтобы я не вышел отсюда. Может, оно и к лучшему.

Обратный путь к каталке дался мне легче. Тело слушалось все лучше и лучше. Оно признало во мне хозяина. Я снова лег, скрестил руки на груди и принялся ждать. Кто бы ни запер меня в этом каземате, он рано или поздно придет проверить, как я тут. И вот тогда... А что тогда? Я сдвинул брови, прикидывая, что может случиться. Меня убьют? Ни капельки не страшно. Это пройденный этап. Других альтернатив я не придумал. Так уж вышло, что всю сознательную жизнь меня непременно кто-то пытался убить, и я в свою очередь не оставался в долгу. Я не привык строить отношения на других мотивах. Исключение составляет разве что Амаранта. При мысли о моей возможно потерянной навсегда супруге сердце предательски дрогнуло. Выходит, осталось в нем нечто, способное хоть на какие-то реакции.

Хотелось надеяться, что с Эмми все в порядке, и что бы не случилось со мной, это никак не отразится на ней. Не исключено, что я нахожусь в доме Грэгори, и он обратил меня в вампира, отомстив за все, что я ему сделал. Я почти не сомневался, что отныне принадлежу к детям ночи. Немного смущала дыра в животе, ведь кровопийцы быстро регенерируют, а мое тело пока не торопилось восстанавливаться. Но я принял версию о собственном вампиризме за рабочую.

Я долго пролежал без единого движения. Тело превратилось в камень, но неудобства не ощущалось. Это состояние казалось естественным для нового меня. Единственное, что напрягало – это зуд в горле, словно где-то в его глубине поселилась семья мышей-полевок и теперь они скреблись и ерзали, устраиваясь поудобнее.

Я откашлялся, но стало хуже. Зуд перешел в жжение, оно постепенно распространилось на весь организм. Кожа горела, точно меня медленно поджаривала на костре святая инквизиция. Глаза резал даже слабый свет догорающей свечи, и я зажмурился.

Со стороны я, наверное, мог легко сойти за покойника. Глаза закрыты, дыхания нет, руки сложены на груди плюс дыра в животе – все признаки мертвеца налицо. Я попытался сосредоточиться, прикинуть, что с этим делать и как жить дальше, но мысли разбежались, как тараканы при внезапно включенном свете. Их вытеснил один единственный тезис – мне нужно... и вот тут я стопорился. Что, собственно, мне так необходимо? Все мое «я» отчаянно стремилось к чему-то, безумно желая обладать. Но чем? Муки душевные перешли в разряд физических, и я чувствовал, что если не утолю это непонятное мне желание немедленно, то погибну.

Я сам не заметил, как очутился возле двери, и принялся колотить руками и ногами по металлу. В меня словно вселился посторонний. Он был сильнее, ловчее и злее меня. Он своего добьется, чего бы это ему не стоило. Я лишь марионетка в его умелых руках.

Я испугался, так как прекрасно понимал, что тот, кто осмелится сейчас войти в эту дверь, скорее всего, погибнет, и я ничего не смогу с этим поделать. Не в моих силах противостоять этому всепоглощающему желанию, сжигающему меня изнутри. Я – пешка, а голод – гроссмейстер. Наши возможности изначально не равны.

В том, что это голод, уже не сомневался. Когда-то мне доводилось испытывать нечто подобное. Но это был лишь отголосок того урагана, что нынче бушевал во мне – слабый дождь по сравнению с градом размером с футбольный мяч.

Меня трясло, словно я схватился рукой за оголенный провод под напряжением. Чтобы хоть немного унять дрожь, обхватил себя руками за плечи, совершенно забыв о ране. Стоять было тяжело, ноги то и дело предательски подкашивались. Я повернулся спиной к двери и привалился к ней. Это ненадолго помогло, но вскоре пришлось сползти на пол.

Беспокойство нарастало. Я уже не мог усидеть на месте, но и встать на ноги тоже было невыполнимой задачей. И я пополз. Пачкая руки и колени в земле, мокрой от капающей с потолка воды, размазывая грязь по лицу, я наворачивал круги по комнате. Только облегчения это не приносило. Не было места ни в этой камере, ни где-либо на земле, где бы я мог обрести покой.

Я забился в дальний угол, погрузил руки и ступни в стылую земляную жижу и тихо скулил от безысходности. Постепенно скулеж перешел в надрывный крик. Я орал во всю глотку, что есть силы, надеясь только на одно – кто-нибудь услышит мой вой, придет и пристрелит меня. Я ждал этого с маниакальным предвкушением и радовался такому будущему.

И действительно меня услышали, правда результат оказался не совсем таким, как я ожидал. За дверью раздались шаги, каждый из которых отдавался вспышкой боли у меня в голове. Кровь пульсировала в висках в такт шагам, и казалось, голова сейчас расколется, как огромный орех от удара молотка.

Небольшое окно в двери у самого пола скрипнуло и распахнулось. Внутри просунулась рука, поставила бутылку минералки и исчезла, затворив за собой дверцу. Но я мгновенно потерял интерес к анонимному гостю. Ведь в пол-литровой бутылке была вовсе не газированная вода, а самая настоящая, свежая как парное молоко кровь. Я чувствовал её тонкий, манящий аромат сквозь пластиковые стенки бутылки. Она звала меня, притягивала, словно гигантский магнит металлическую стружку. Нельзя было противиться этому зову, и я, собрав последние силы, снова пополз. Пальцы цеплялись за комья земли, руки разъезжались в стороны, и я падал, отплевывался и продолжал ползти к заветной цели. Такой желанной, такой долгожданной.

Мокрые, почерневшие от земли руки скользнули по округлым бокам бутылки. Еще один рывок вперед, и она моя. От близости крови меня лихорадило, как молодого, неопытного любовника, впервые прикоснувшегося к женщине. Руки плохо слушались, и я буквально сорвал крышку с бутылки, а не скрутил, как положено. И застыл. Вот она сладкая, алая, вожденная кровь. Сейчас она для меня всё. Весь мир сошелся в одной точке, словно в непроглядной тьме кто-то навел свет прожектора на бутылку минералки. Но стоит ли она того? Стоит ли перечеркивать всю свою жизнь, все, чем я когда-либо был и мог стать, ради пары глотков?

Я стиснул зубы и заглянул глубоко внутрь себя в поисках истинного Влада Климентьева. Какова же была моя радость, когда выяснилось – он еще здесь. Испуганный, задавленный голодом, едва живой, но способный на поступок. Я отвел руку назад, размахнулся и отбросил бутылку подальше от себя. Она ударилась о противоположную стену. Кровь фонтаном брызнула из узкого горлышка, оставив на бетоне красные разводы. Мне оставалось лишь сидеть и смотреть, как пурпурные капли неторопливо катятся вниз по стене, точно слезы.

Я практически впал в анабиоз. Всё видел, слышал, но не мог двинуться. Во мне не осталось жизненных сил, только голод. Тупая, ноющая боль во всем теле напоминала о его присутствии. Сознание то и дело меркло. После одного из таких провалов я с изумлением, смешанным с ужасом, обнаружил, что нахожусь посреди комнаты и, более того, продолжаю упорно двигаться к месту, где валялась бутылка, на дне которой осталось еще немного крови. Я приказал себе остановиться, но не тут-то было. Тело не подчинялось мне.

Через пару мгновений добрался до стены и принялся жадно слизывать кровавые разводы, смакуя каждую каплю. Я рыдал от облегчения и от осознания того, каким ничтожеством отныне являюсь. Но это не помешало мне поднять бутылку с пола и выпить её содержимое. Я всхлипывал, но продолжал пить. Постепенно меня затопила волна облегчения. Я откинулся назад, повалился на пол и блаженно улыбнулся. Наконец-то, беспокойство оставило меня. Я снова мог думать, управлять своим телом и даже ненавидеть себя за содеянное.

Глава 2. Ах, ваши очи чернее ночи

Самобичевание длилось недолго – вскоре за дверью послышались шаги. На этот раз я спокойно воспринимал пружинистую поступь гостя.

Я приподнялся с пола и попробовал сосредоточиться на звуках. Результат ошеломлял. Буквально через секунду я улавливал самый незначительный шорох. Походка визитера была легкой и непринужденной, так ходят люди без обязательств. Те, у кого в жизни всё в полном ажуре. Я уловил биение сердца и звук дыхания, значит он человек.

Скрипнули ржавые петли, и смотровое окошко в верхней части двери отворилось. К этому времени свеча погасла, и в камере стояла кромешная темнота. Чтобы рассмотреть хоть что-то, мой тюремщик направил луч фонаря в камеру. Тот скользнул по стенам, и я инстинктивно сжался. Не прошло и пары минут, как фонарь отыскал меня. Я зажмурился и отвернулся, чувствуя себя подопытной мышкой, распятой на столе сумасшедшего ученого.

– Как самочувствие?

Голос громыхнул под сводами камеры, и я невольно зажал уши руками. Лишь немного придя в себя после массирующей звуковой атаки, с удивлением осознал, что говорящий мне знаком. Не веря слуху, повернул голову к двери. Яркий свет мешал разглядеть гостя как следует, но я почти не сомневался – за дверью стоит мой младший брат Дмитрий.

– Дима? – хрипло уточнил я. Собственный голос звучал так, точно он преодолел сотни космических километров, прежде чем достигнуть этой комнаты. Фактически я шептал.

– Дима, Дима, – ворчливо согласилась прячущаяся за светом от фонаря тень. – Видок у тебя, откровенно говоря, жутковатый. Ты выпил кровь, что я принес?

Взгляд метнулся к выжатой насухо бутылке из-под минералки. Так это Димка принес мне кровь? Минуту назад я считал, что нахожусь в плену у вампиров. Но причем тут брат?

– Как живот? Затянулась лишняя дырка?

Я провел рукой по животу, на ощупь отыскивая следы ранения, и отрицательно покачал головой.

– Странно, – протянул Дима, – того, что я тебе дал, должно было хватить. Ты точно все выпил?

Я виновато улыбнулся.

– Не страшно, – смилостивился брат. – Я тут еще принес. Выпьешь – будешь как огурец.

Луч фонаря покинул камеру. Послышалась возня, и открылась нижняя дверца. Димка просунул в камеру новую бутылку, доверху наполненную кровью. Где они только доноров находят? Или сами по очереди сдают кровь? При мысли о том, что я, возможно, пью кровь родных, меня замутило. Следом за бутылкой появилась стопка чистой одежды, сверху которой лежал блестящий прямоугольник.

– Это тебе для развлечения, – прокомментировал Дима появление в камере непонятного предмета. – А то, поди, тоска зеленая сидеть взаперти в четырех стенах.

Вскоре оба окошка захлопнулись, но брат не спешил уходить. Я отчетливо слышал его сопение за дверью и как он переминается с ноги на ногу. Наконец, он сказал:

– Знаешь, я рад, что ты жив, – на секунду Дима задумался, а потом добавил: – если это, конечно, можно назвать жизнью.

После этих слов он зашагал прочь, но я еще долго вслушивался в его удаляющиеся шаги и думал, что бы это всё означало. Неужели Грэгори не имеет отношения к моему превращению в вампира? Ответ напрашивался сам собой, но я предпочел закрыть глаза на очевидные факты. Амаранта – вот кто может объяснить мне происходящее. Я свято верил, что она сумеет расставить все точки над «и».

Так уж вышло, что я – охотник на нечистую силу – умудрился влюбиться в вампира. И это чувство оказалось взаимным. Я смирился с тем, что Эмми необходимо пить кровь людей, чтобы выжить. Я принял её такой, какая она есть. Единственное, что я когда-либо просил у неё – это не дать мне стать вампиром. Я взял с неё слово, что если вдруг со мной случится несчастье, она позволит мне умереть, как бы сильно ей не хотелось меня отпустить. И Амаранта поклялась. Я верил, что она не из тех, кто нарушит клятву. Только не моя Эмми.

Значит, все же Грэгори. Больше никому. Сначала он смертельно ранил меня, а потом великодушно поделился со мной своей кровью. Чертов вампир! Вспышка гнева была внезапной и всепоглощающей. Ярость требовала немедленного выхода, и я со всей силы ударил кулаком по стене. На том месте, где костяшки пальцев встретились с бетоном, образовались глубокие вмятины. А рука в полном порядке. Даже кожа не содрана. Глупо отрицать – в вампиризме есть свои плюсы.

Рассматривая причиненный мной ущерб, я решился. Если уж мне довелось обратиться и стать вампиром, надо использовать это по полной. В первую очередь я убью Грэгори и только после этого буду думать, как жить дальше. Вечная жизнь, конечно, благо, но я никогда к ней не стремился. Пить кровь – точно не моё.

Стоило вспомнить о крови, как взгляд сам собой сфокусировался на бутылке. Она притягивала меня, но уже не так сильно, как прежде. Не было того безумного, всепоглощающего желания. Оно немного улеглось, спряталось в глубинах подсознания и теперь походило на глухую тоску по чему-то недоступному, но такому важному.

Я с трудом поднялся на ноги и, опираясь на стену, побрел к двери. Подобрал бутылку и некоторое время изучал её содержимое, а потом свинтил крышку и залпом выпил алый нектар жизни. На вкус кровь отдавала металлом, будто я засунул в рот мельхиоровую ложку. Но до чего же приятно! Кровь по горлу неторопливо стекла в желудок, её подхватил незримый поток и понес в разные концы моего истрадавшегося тела. И там, где она побывала, организм словно приходил в себя после зимней спячки. Встрепенулось сердце, скинув с себя холодные оковы смерти, разгладились легкие, и я почувствовал, что при желании могу снова дышать полной грудью. Руки и ноги налились силой. Рана на животе начала зудеть, я приподнял рубашку, чтобы увидеть причину беспокойства. Глазам предстал бледный шрам, но и он рассосался, оставив после себя чистую, гладкую кожу.

Я довольно хмыкнул, покрутив пустую бутылку в руке. А что, в этом есть смысл! Расправил плечи, повел головой в разные стороны, разминая шею. Так прекрасно я давно себя не чувствовал. Да что там, будучи человеком, мне вообще не доводилось чувствовать себя настолько великолепно. Я мысленно одернул себя. Еще чуть-чуть и в самом деле поверю, что быть вампиром – это просто дар Божий. Нет уж, не надо нам таких подарочков.

Я забросил бутылку подальше и сосредоточился на чистой одежде. На глаза попался тот самый предмет, который Димка зачем-то оставил в камере. Несмотря на полную темноту, видел я отлично и без труда узнал зеркало. Рука сама потянулась вниз, я поднял зеркало с вороха одежды и оценивающе посмотрел на себя. В первую секунду показалось, что меня обманули. Кто-то совершенно по-идиотски пошутил, подсунув мне вместо зеркала чужое изображение. Незнакомый парень недовольно хмурился и кусал губы. Я придвинул зеркало ближе и, не мигая, впился взглядом в чужое лицо. Не могу сказать, сколько так простоял, но со временем стало казаться, что я узнаю некоторые черты этого лица и они совершенно точно мои. Мне были хорошо знакомы строгий подбородок, тонкие губы, прямой нос. Но все линии стали рельефнее, чуть изящнее, что придавало моей, в сущности, простой внешности некую загадочность и, Боже мой, даже шарм. Волосы остались каштановыми, но в этом непритязательном цвете появились новые оттенки: золотые, медные и терракотовые всполохи. Те же изменения в цвете претерпели и глаза. Отныне они сияли как два бриллианта цвета топленного молочного

шоколада. Ох, не к добру это! Подозреваю, что подобные изменения внешности принесут мне больше проблем, чем выгоды.

Я с досадой отвернулся от зеркала, предчувствуя, что еще долго буду вздрагивать при виде собственного отражения. Чтобы отогнать тяжелые мысли, переключился на чистую одежду. Пока застегивал ремень, обратил внимание на руки. Всего пару минут назад ползал в грязи, и мои ногти выглядели так, словно я только что выкопался из могилы. Теперь же всё было в полном порядке: под ногтями идеальная чистота, ладони белоснежные, как после мытья с мылом. Грязь осыпалась с меня, будто листья с деревьев по осени. Похоже, в душе отныне не будет необходимости. Да и нужно ли мне в новой жизни что-нибудь кроме крови?

За дверью снова послышались шаги. Идущий немного пришаркивал левой ногой. Сказывалось старое ранение. Я с улыбкой узнал походку отца. Он как раз тот, кто мне нужен. Уверен, папа сможет просветить меня насчет происходящего.

Окошко приоткрылось, и в камеру заглянул отец. В отличие от Димы он не светил фонариком мне в лицо. У него в руках была небольшая керосиновая лампа, дающая мягкий рассеянный свет.

– У тебя все в порядке? – первым делом спросил он.

Я усмехнулся. О да, конечно, у меня всё прекрасно. Только я умер, но это такие мелочи. Заметив выражение моего лица, отец печально улыбнулся.

– Я принес тебе лампу. Нечего сидеть в темноте.

Он просунул руку через окошко, предлагая мне взять керосинку, но я замялся. Отчего-то не хотелось лишний раз касаться этой штуки. Все-таки огонь. Мало ли. Я упустил момент, когда во мне проснулся бесконтрольный страх перед пламенем.

– Спасибо, мне и так неплохо, – вежливо отказался я, поражаясь своему голосу. Он был настолько не похож на мой привычный тембр, что мне невольно захотелось обернуться и посмотреть: может, это кто-то другой говорит за меня.

– Как хочешь, – папа не настаивал. Он сделал шаг назад и собрался захлопнуть смотровое окошко, но я не дал ему этого сделать. Моя рука намертво заклинила створку. Слишком много вопросов требовали немедленных ответов, чтобы так запросто отпустить его.

– Что происходит?

Отец обернулся, наши взгляды встретились. Я думал, что увижу грусть в его глазах, но вместо этого с удивлением наткнулся на сожаление и еще, пожалуй, вину. Папа выглядел так, словно совершил что-то поистине ужасное и теперь ему невыносимо стыдно. Мне стало не по себе, желание узнать, что здесь творится, рассеялось, как туман после сильного порыва ветра.

– Тебе пока лучше посидеть в камере. Для твоего же блага, – вместо ответа произнес отец. Я не стал возражать и позволил ему уйти, хоть и порядком устал от заявлений, что всё делается исключительно ради меня.

...– А вот и я!

Должно быть, с того момента, как я снова остался один, прошло часа два. Ориентироваться в помещении без окон было непросто. Я успел порядком заскучать, когда за дверью раздался жизнерадостный голос брата. Ничто не способно его расстроить! Я чуть не умер, а он идет, насвистывает себе под нос, и, судя по голосу, с настроением у него полный порядок.

Дима привычно закопошился с той стороны двери, и в камеру закатилась очередная бутылка с кровью.

– Вы меня кормите, как на убой, – кисло пошутил я.

Брат заглянул в открытое смотровое окошко, ослепив меня фонариком. Глаза пронзила резкая боль, точно кто-то воткнул в них тысячи маленьких иголок. Я зажмурился и, недолго думая, нащупал первое, что попало под руку (это оказалось зеркало, лежащее на каталке), и запустил им в окошко. Раздался звон бьющегося стекла и ругань Димки.

– Ну, ты даешь, снайпер хренов, – огрызнулся брат. – Фонарь разбил, не дешевый, между прочим. И руку мне порезал.

– Нечего светить мне в лицо, – я сам не знал, почему поступил именно так. Это был порыв, мотивы которого теперь затруднялся объяснить. Я собирался попросить прощения, когда восхитительный аромат достиг моих ноздрей, и я позабыл, что, собственно, хотел сказать. Запах был волнующе терпким и одновременно сладковатым. Он за долю секунды вскружил мне голову, и я послушно пошел на его зов, как Роки, ведомый ароматом сыра, из мультика про Чипа и Дейла. Я не видел окружающего, не осознавал, где нахожусь, и очень удивился, когда наткнулся на металлическую дверь. Неожиданная преграда вызвала неистовый протест. Я ударил кулаком по двери, пнул её ногой. Уже через секунду молотил по ней со всей силы, лишь бы добраться до источника дивного аромата. Он должен достаться мне, я жаждал его так отчаянно, так исступленно, что впору было разрыдаться от невозможности обладать им.

– Ты чего? – испуганно спросил Дима, но я не отреагировал. Сомневаюсь, что я вообще осознавал, что за дверью стоит родной брат. На несколько страшных мгновений он превратился в источник – сосуд, наполненный кровью, которую я хочу и могу взять. Не будь между нами двери, я бы остался единственным ребенком в семье.

Димка позорно сбежал, а я еще долго бился в истерике, царапая дверь ногтями. Вспыхнувший при запахе свежей крови голод никак не желал успокаиваться. В момент наибольшей тоски по несбывшемуся я вспомнил о бутылке с кровью. Пусть она и не первой свежести, но вполне сгодится, чтобы унять это разрывающее меня изнутри желание.

Я поднял бутылку и прочитал: Кока-Кола. С этикетки мне подмигивал ухмыляющийся Санта-Клаус. Я едва ли не слышал, как он говорит: «Привет, Влад. Ты был хорошим мальчиком в этом году? Тогда у меня есть кое-что для тебя. И это слаще всех конфет в мире». Я закрыл лицо весельчака ладонью и свинтил крышку. По мере того, как пил, голод становился все тише, пока не смолк окончательно.

Глава 3. Скажи мне правду, а лучше солги

Не знаю, сколько времени я провел в своей одиночной камере. Брат сказал, что прошло три дня, но мне показалось – целая вечность. Не нуждаясь во сне, я не находил себе места от безделья. И четыре кривые стены, и низкий потолок, и покаты́й пол были изучены мной до последней трещинки. При желании я мог воспроизвести их по памяти.

Отношения с кровью постепенно налаживались. Я более или менее научился контролировать себя. Правда, толстая металлическая дверь занимала далеко не последнее место в списке сдерживающих факторов. Но, в общем и целом, я был паинькой и мне разрешили свидание с супругой. Сегодня мою убогую обитель должна посетить Амаранта. Я ждал этого и одновременно нервничал, не представляя, как Эмми воспримет нового меня.

Я засек её легкие шаги, когда она вплотную подошла к двери. Странное дело, я – вампир с идеальным слухом – не в состоянии услышать чьи-то шаги. Амаранта остановилась, замялась на пороге, собираясь с мыслями. Я словно видел её точеную фигуру через толщу металла. Вот Эмми слегка наклонила голову вбок, задумчиво разглядывая смотровое окошко. Возможно, она нахмурила брови или закусила нижнюю губу, точно решая сложную математическую задачу.

Я не успел в полной мере насладиться видением, как впервые с момента моей смерти лязгнул замок, и темница открылась. Массивная дверь нехотя отъехала в сторону, скрипя ржавыми петлями. Мне стало не по себе, точно по ту сторону меня ожидает вовсе не любимая девушка, а чудище из детских страшилок.

Но через мгновение все страхи и сомнения развеялись, и моим глазам предстала Амаранта. Она стояла по стойке смирно: ноги на ширине плеч, руки по швам, подбородок вздернут. Приоткрытые губы едва подрагивают, синие глаза не отрываясь смотрят на меня.

Через долю секунды Эмми бросилась ко мне. Руки обвили шею, гладкая щека прижалась к моей. Мы застыли, как два изваяния. Наши сердца смолкли, не решаясь нарушить такой важный момент неуместными звуками.

Я с удивлением понял, что Амаранта плачет. Моя щека сделалась мокрой от её слез. Нежно погладив девушку по спине, прошептал:

– Все хорошо. Со мной все в порядке.

– Я думала, что потеряла тебя, – всхлипнула Эмми, немного отстраняясь. Она дотронулась до моего лица, на ощупь, точно слепая, изучая его. С легкой улыбкой, с подсохшими кровавыми слезами на щеках она знакоилась с новым мной. И, похоже, я ей нравился.

– Теперь все позади, – успокоил я, наслаждаясь прикосновениями. – Если Грэгори думает, что обращение в вампира сломает меня, то он ошибается. Я буду жить, хотя бы ради того, чтобы поквитаться с ним.

Эмми вздрогнула. Её руки безвольно упали, она отступила на пару шагов.

– Ты считаешь, это сделал Грэг? – голос Амаранты надломился, дал трещину, как фарфоровая чашка из бабушкиного сервиза.

– А разве это был не он?

Сама мысль о том, что во мне кровь Грэгори, и я отныне и навеки являюсь его продолжением, а он моим вторым отцом, казалась мне отвратительной. От неё так и разлило гнилью. Меня тошнило, стоило подумать об этом. Но альтернативы я просто не видел. Если не Грэг, то кто? И главное зачем? Тот, кто обратил меня в вампира, должен был люто меня ненавидеть. Другого объяснения нет.

«Первый» не пожелал меня убить. Это было бы слишком просто, никакого удовольствия. Теперь я проклят навечно. Я буду вынужден наблюдать за тем, как умрут мои родные, друзья.

И так до тех пор, пока в мире не останется ни одного дорогого мне человека. За исключением Эмми, конечно.

Вспомнив о девушке, я вдруг понял, что так и не услышал ответа. Достаточно было одного взгляда на её перекошенное ужасом лицо, чтобы понять – что-то здесь не так.

– Амаранта, – произнес я строгим голосом школьного учителя, – ты ничего не хочешь мне рассказать?

Она яростно помотала головой и плотно сжала губы, точно испугалась, что слова могут покинуть рот без её ведома.

– Эй, – я ласково улыбнулся Эмми, – у нас же нет секретов друг от друга.

Амаранта скрестила руки на груди, возводя между нами преграду, и опустила голову, разглядывая пол с таким видом, будто там начерчена карта сокровищ.

Я собрался как следует встряхнуть Эмми, чтобы она, наконец, перестала играть в молчанку и ответила. Но в голове словно щелкнул тумблер. Стоп! Так ли уж важно знать, кто и когда меня обратил? Сделанного не воротишь. Живи и радуйся тому, что имеешь. Только я желал знать правду, какой бы горькой она не была. По крайней мере, в тот момент мне так казалось.

Как порой сильны бывают заблуждения. Мы внушаем себе, что правда – это все, что нам нужно. Но приходило ли вам в голову, счастье скольких людей разрушила эта самая правда? В тот вечер я пополнил их ряды.

Отбросив прочь недостойные мужчины сомнения, я шагнул к Эмми, приподнял её голову за подбородок и голосом, не терпящим отказов, поинтересовался:

– Кто меня обратил?

Иногда одна-единственная буква, произнесенная едва слышным шепотом, способна перевернуть мир. Еще секунду назад я твердо стоял на ногах, мои жизненные принципы не сильно пострадали от превращения в вампира, и вот внезапно я раздавлен, уничтожен. От меня остались тлеющие угольки.

– Я! – тихо, но внятно ответила Амаранта, и наступила тьма.

Она поглотила меня в мгновение ока: «вот я был, а вот меня не стало». Точно кто-то вырвал сердце из груди, смял его грубой рукой и выбросил. Как такое могло случиться?! В каком страшном сне мне это привиделось?

Я покачал головой.

– Нет, – отступил, споткнулся о каталку, но сумел удержать равновесие и продолжил пятиться, не разбирая дороги, пока не уперся спиной в стену. – Ты не могла так со мной поступить. Ты же обещала!

– Я знаю, знаю, – Амаранта шла за мной, преследовала, протягивая ко мне руки, но мне виделись сети, желающие меня опутать и поработить навек. – Но это было сильнее меня. Ты умирал, а я так боялась остаться одна.

– ТЫ МНЕ КЛЯЛАСЬ! – от моего крика содрогнулись стены и лязгнула дверь. Подхваченный эхом, он прокатился по коридору катакомб, где превратился в рык озлобленного хищника.

Я оттолкнул Амаранту и, не разбирая дороги, выбежал в коридор. Только бы очутиться подальше отсюда! Я бежал, перепрыгивая через ступеньки. Толкнул дверь, ведущую из подвала на кухню, при этом сбив кого-то с ног. Но мне не было до этого дела. Меня окликнули из гостиной, но я не отреагировал. Вместо этого добрался до входной двери, практически сорвал её с петель и выбежал на улицу.

Я сделал всего пару шагов, когда невыносимая боль заставила меня упасть на колени. Тело словно попало в чан с кислотой, и теперь она медленно, со вкусом разъедала его. Солнечные лучи, еще неделю назад казавшиеся милыми и ласковыми, стали подобны жидкому олову, которое изливалось на мою кожу, опаливая и ранив её. Я взвыл, корчась от мук.

Меня накрыла тень, стало легче, но кожа по-прежнему пылала, точно я опрокинул на себя чайник с кипятком. Кто-то подхватил меня под руки и потащил в дом. Сопротивляться не было сил, я повис на своем спасителе. Только когда вновь очутился в безопасности четырех стен, надежно скрывавших меня от солнца, позволил себе расслабиться. Но ужас, что сковал меня по рукам и ногам, не спешил уходить. Подобно червю в мое сознание проник безграничный страх перед звездой по имени Солнце. Судя по ощущениям, он поселился там на ПМЖ, свив себе уютное гнездо где-то между желанием чужой крови и осознанием собственной смерти.

Постепенно тело остывало. Лишь несколько островков из числа тех, что пострадали больше других, продолжали тлеть. Но эту боль можно было терпеть. Я огляделся и понял, что каким-то непостижимым образом снова очутился в своей камере. Дверь, естественно, плотно заперли. Неподалеку валялась бутылка из-под Кока-Колы, доверху наполненная кровью.

Я неторопливо смаковал мой личный заменитель Колы и думал о перспективах на будущее. До чего же гадко все получилось! При одной мысли об Амаранте внутренности сводило судорогой. Я был чертовски зол, просто сходил с ума от ярости и меньше всего желал её видеть.

– Нет ей прощения! – ожесточенно шептал я во мраке камеры, раз за разом все больше убеждаясь, что так и есть.

Наконец, пришло решение. В тот момент мнилось, что только так я и могу поступить, что другого пути нет. Возможно, во мне говорил голодный молодой вампир. Он не был склонен к сантиментам и страдания других, впрочем, как и его собственные, его мало заботили.

Придумать план было несложно. В этот же день я принялся претворять его в жизнь.

Глава 4. Чужой среди своих

Ночь в зимнем лесу похожа на сказку. Деревья-великаны тянут голые ветви к звездному небу подобно молящимся в храме. В едином религиозном порыве они взывают к Богу, прося того о скорой весне. Снежные барханы надежно защищают корни от стужи, поблескивая серебром в свете луны. Кажется, будто по земле расстелили ковер, сотканный из млечного пути. Снежинки медленно танцуют вальс под музыку ветра. Холодная, нетронутая красота зимнего леса поражает аскетизмом. Здесь ощущаешь себя чужестранцем, случайно забредшим на чужую и, вероятно, враждебную территорию.

Стоило подумать о недоброжелательности леса, как правая нога по колено провалилась в сугроб. Пришлось ухватиться за ближайшее дерево и что есть силы потянуть ее вверх. Но вместо ожидаемого эффекта – освобождения – вторая нога тоже ушла под снег. Я замер, оставив попытки выбраться, и с тоской подумал, что Эмми ни за что бы ни попала в подобную ситуацию. Даже став вампиром, я удивительным образом сохранил присущую человеку неуклюжесть.

Одинокая снежинка несколько раз обернулась вокруг своей оси и приземлилась прямо на кончик моего носа. Я ожидал, что она растает, но снежинка чувствовала себя превосходно. Температура моего тела была ненамного выше температуры воздуха.

Я поднял руку и поймал несколько подружек бесцеремонной гостьи, что уютно расположилась на моем носу. Её товарки пристроились у меня на ладони, да так и остались там лежать нетронутыми. При желании я мог рассмотреть замысловатый узор каждой из них.

Страхнув снежинки с руки и носа, я встал на корточки и осторожно выбрался из сугроба. Присел у ближайшего дерева и посмотрел в ту сторону, откуда пришел. По сверкающему подобно россыпи бриллиантов снегу тянулась вереница следов. Их оставили мои босые ноги. Уже более двух недель зимний лес служил мне домом. С рассветом я глубоко закапывался в снежные сугробы, чтобы солнце не могло меня достать. А по ночам продвигался дальше, надеясь, что однажды лес закончится, а там... что делать после этого, я не придумал. Две недели голодовки плохо сказались не только на моем физическом состоянии, но и на умственных способностях. Я всё чаще ловил себя на том, что выпадаю из жизни, порой не понимая, куда и зачем бреду.

На днях, окончательно обезумев от голода, я поймал молоденькую лосиху. Она показалась мне безумно аппетитной, и я не устоял. Но её кровь не принесла и сотой доли того облегчения, на которое втайне надеялся. Голод не думал утихать, наоборот, он точно обрел новую силу, обрушив на уставшее сопротивляться тело новую волну яростного желания. Если бы в ту минуту мне попался человек, я бы не задумываясь растерзал его, а потом еще долго смаковал каждую каплю его терпкой крови.

Я тряхнул головой, и снежинки каскадом полетели на землю. Еще немного, и я превращусь в сугроб. Испытывая огромный соблазн остаться навсегда среди снега и деревьев, все же поднялся на ноги. Если ступать аккуратно, контролируя распределение веса, то можно идти по сугробам не проваливаясь.

Усыпив бдительность своих стражников, я умудрился сбежать из заточения, куда меня поместила любящая семья. Разумеется, они сделали это для моего же блага. А еще отец убедил Амаранту обратить меня в вампира, и действовал он из тех же благих побуждений. Только почему мне кажется, что он думал прежде всего о себе? Но если папу я с трудом, но еще мог понять, то поступок Эмми оставался для меня за гранью разумного. Это было предательство чистой воды.

Вампир из меня получился бестолковый. Новая жизнь была явно не по мне. Порой думал, что лучшим выходом будет скитаться по лесу до самой смерти. Интересно, как долго вампир

может прожить без человеческой крови? Я пока протянул две недели, но силы мои были на исходе. Оставалось надеяться, что вскоре меня ждет неминуемая смерть, а вместе с ней и долгожданное освобождение.

Часа через два ближе к середине ночи впервые за моё путешествие по лесу в пейзаже произошли изменения. Я присмотрелся к однообразному ландшафту и обнаружил, что расстояние между деревьями увеличилось. Вскоре между толстыми стволами сосен показались огни города. До слуха донесся шум автострады, и я ускорил шаг.

Деревья расступились. От многоэтажных домов меня отделяла широкая колея дороги. Даже в это время суток поток машин не иссякал. Включенные фары автомобилей разгоняли ночную тьму. Я прислонился к шершавому стволу сосны, терпкий аромат смолы щекотал ноздри. Наблюдая за машинами, рассуждал о том, насколько они похожи на консервы: снаружи металл, но внутри прячется аппетитное содержимое. Пришлось сильно постараться, чтобы выкинуть неподобающие мысли из головы.

Голод усиливался, и тогда я решил попробовать метод Амаранты на практике. Перебежав на другую сторону дороги, отправился на поиски отбросов общества. Если убивать, то пусть моей жертвой будет наркоман, а не примерный семьянин.

Окраина города встретила меня безмолвием. Здесь было почти так же тихо, как в лесу. Провода и ветви редких деревьев блестели от инея, снег хрустел под босыми ногами. Окна в домах зияли чернотой. Я почти отчаялся найти в этой ночной пустыне хоть одно живое существо, когда слух уловил движение в ближайшей ко мне подворотне. Я остановился и прислушался. В конце концов, это могла быть крыса. Но не прошло и минуты, как я услышал биение человеческого сердца. Удары были частыми, как если бы человек запыхался на бегу или испугался. Рот мгновенно наполнился слюной, как у гурмана, до ноздрей которого долетел запах самого изысканного в мире блюда.

Стараясь ступать бесшумно, я подкрался к подворотне. Узкий проем между двумя домами напоминал туннель. Там было темно, как в подземелье, но звук явно шел оттуда. Сделав пару шагов вперед, я замаялся. Что если этот человек не так уж плох? Откуда мне знать, каков он? Просто так пойти и убить ни в чем не повинного бомжа не хотелось, но и времени на то, чтобы выяснить всю его подноготную, тоже не было.

Пока я размышлял над непростым философским вопросом: убить или умереть самому, сзади раздался шорох. Я едва успел отскочить в тень, когда мимо пронеслись два парня. Не надо было прислушиваться к их сердцам, чтобы понять: передо мной вампиры. Так слаженно, а главное быстро умеют двигаться только они. К тому же их тела светились в темноте, точно их кто-то посыпал фосфором.

Вампиры завернули за мусорный бачок, где прятался человек, и спустя мгновение подворотню огласил крик ужаса, но он тут же захлебнулся и стих. В опустившейся тишине я по-прежнему слышал биение человеческого сердца. Из-за бака вышли двое. Они держали человека за ноги, волоча его следом за собой. Один из вампиров повернул голову, и наши взгляды встретились. Я напрягся. Для охотника подобные встречи не заканчиваются ничем хорошим.

– Чего тормозишь? – второй вампир окликнул замешкавшегося друга.

– Кажется, у нас тут новенький. Макс, – темноволосый парень представился и протянул мне руку.

Я на автомате пожал её. Вампиры были настроены дружелюбно. Я на миг забыл, что теперь являюсь одним из них.

Спутник Макса оставил жертву и шагнул ко мне. Внимательно изучив мое лицо, он пришел к неутешительному выводу:

– Да ты от голода еле на ногах стоишь. Идем с нами.

Пригласив меня, он снова сосредоточился на еще живом человеке. Мне ничего не оставалось, как последовать за вампирами.

Вывернув из подворотни, мы направились к припаркованной неподалеку машине. Макс открыл багажник и бросил туда человека. Отчего-то вампиры не собирались убивать его прямо сейчас. Часть меня огорчилась из-за этого.

Я устроился на заднем сидении автомобиля рядом с Максом и нервно ерзал всю дорогу. Меня везли неизвестно куда и непонятно зачем. Но угрозы я не чувствовал.

– Куда мы едем? – подал я голос, глядя в затылок водителя.

– Есть тут одно место. Тебе понравится.

Минут через десять машина остановилась у полуразвалившегося здания. Окна без стекол слепо таращились на улицу. Двери подъездов были сорваны с петель. Когда-то это был многоквартирный жилой дом, но с тех пор минуло много времени.

Мы вышли из автомобиля. Мои спутники не забыли о человеке в багажнике, вытащив и его. Он все еще был без сознания, но, судя по ровному дыханию, его жизни ничто не угрожало. По крайней мере, сейчас. Водитель взвалил несчастного на плечо и первым направился к дому. Макс остался со мной, взяв на себя роль гида.

– Пошли, – вампир махнул рукой в сторону дома, приглашая меня следовать за ним.

– Что это за место?

– Это наша берлога, – Макс гордо вскинул голову. – Пристанище всех вампиров в округе.

Поначалу берлога вампиров меня разочаровала. Кроме обшарпанных стен и битого стекла на полу посмотреть было не на что. Макс свернул к лестнице, ведущей вниз. Через пару пролетов мы уперлись в обитую железом дверь. Вампир отбил костяшками пальцев замысловатый код, и дверь приветливо распахнулась.

Если снаружи дом напоминал бомжатник, то подвал походил на притон. Здесь было до того накурено, что очертания окружающих предметов расплывались. По стенам коридора, по которому меня вел Макс, стояли диваны. С порванной обивкой, продавленные, они доживали свой век. На диванах сидели, лежали, нежились в объятиях друг друга вампиры. По самым скромным подсчетам их было не меньше двадцати, а ведь мы находились в начале пути. Играла музыка. Что-то из панк-рока. С разных сторон до меня долетал приглушенный смех. Я второй раз в жизни попал в логово вампиров. Слава Богу, меня приняли за своего.

Макс свернул к одной из дверей и скрылся за ней. Я пошел за ним. В комнату, куда мы попали, не проникал дым. Обстановка была такой же убогой, как и наверху, но моего нового знакомого это не смущало. Я заметил в углу за покосившимся столом еще одного вампира. Макс шагнул к нему, что-то прошептал, а потом обернулся и сунул мне в руки стакан. Почуввав кровь, вмиг выросли клыки. Граненый стакан был доверху полон свежей крови. Не колеблясь, я в пару глотков осушил его. По телу разлилась приятная нега. Кровь еще не дошла до желудка, а я уже мечтал о новой порции, которая мне тут же была предоставлена.

– Пей, – Макс улыбнулся. – А то ты похож на мумию. Сколько же ты голодал?

Я пропустил вопрос мимо ушей. Единственное, что меня волновало – это очередная порция крови. Стакане на четвертом я начал приходить в норму. Разум, замутненный голодом, просветлел, и я задумался над тем, почему кровь была теплой, точно её буквально минуту назад выкачали из тела.

Я оглянулся по сторонам и заметил, что Макс ушел, оставив меня наедине с незнакомым вампиром. Последний не проявлял ко мне интереса. Куда больше его беспокоила газета с кроссвордом.

Пока вампир карандашом выводил отгаданное слово, я прислушался. Необъяснимая тревога не давала спокойно насладиться ужином. Поставив стакан на стол, я отказался от следующей порции, любезно предложенной любителем кроссвордов. Стоило мне отключиться от шума в коридоре, как слух уловил биение нескольких десятков сердец. Источник шума находился в соседней комнате, куда вела неприметная дверь, что притаилась сбоку от стола. Мной овладели дурные предчувствия.

Дверь в коридор с шумом отворилась, и показался Макс. За собой он волочил парня из подворотни. Тот был без сознания.

– Помоги-ка мне.

Подчиняясь, я поднял тело с пола, пока Макс, взяв ключи у вампира с кроссвордом, открывал вторую дверь. Щелкнул замок, скрипнули петли, и Макс вошел внутрь. Я услышал, как он включил электричество. Лампы замигали, издавая неприятный треск.

– Неси его сюда.

Я пошел на голос вампира, не без содрогания переступив порог комнаты. От увиденного желудок сжался, пытаясь избавиться от выпитой минуту назад крови.

Все пространство помещения, стены которого на многие метры отстояли друг от друга, было заполнено человеческими телами. Подвешенные за ноги к потолку, люди медленно умирали. Из неглубоких порезов на шеях их неторопливо покидала кровь. Под каждым телом стоял бак, куда стекала кровь. Но самым отвратительным являлось то, что все без исключения люди были еще живы.

Я застыл у входа, с отвращением осознавая, что за кровь мне дали. Пока боролся с тошнотой, Макс развернул бурную деятельность. Он поменял заполненную тару на пустую, снял несколько тел из тех, что не подавали признаков жизни, и, наконец, переключился на парня у моих ног. Забрав человека, он положил его на пол, обвязал лодыжки несчастного веревкой, закрепил её на крюке и вздернул мужчину, как коровью тушу на живодерне.

– Вся хитрость в том, – наставлял меня вампир, – чтобы они потихоньку истекали кровью. Можно, конечно, забрать все сразу, но тогда кровь придется как-то хранить. А после холодильника она уже не такая вкусная. Что скажешь?

Вопрос был адресован мне. Я с трудом оторвал взгляд от еще живых тел и посмотрел на Макса. Он широко улыбался, точно сказал что-то смешное. Я смутно догадывался, что от меня ждут одобрения, но сил хватило только на то, чтобы кивнуть.

– Я тоже сначала обалдел, – вампир принял мое состояние за немое восхищение. – Это ж надо было до такого додуматься!

Макс сделал надрез на горле новенького, и тот тихо застонал. Пододвинув тару под тонкую струйку крови, он зашагал к выходу.

– Почему они все без сознания? – шепотом спросил я. Как только дверь в комнату пыток закрылась за нашими спинами, ко мне вернулся дар речи.

– Им колют снотворное, чтобы вели себя смирно. Иначе крику не оберешься.

– А это не сказывается на качестве крови?

– Не волнуйся, – успокоил меня Макс, – для таких, как мы, оно безопасно.

«Для таких, как мы», – мысленно повторил я. Впервые с момента обращения я остро почувствовал, что больше не принадлежу ни к числу охотников, ни даже к числу людей.

Следующие несколько часов я провел в одиночестве. Вокруг полно вампиров, некоторые из них оказались не прочь поболтать, но я не был настроен на приятельскую беседу. В голове не замолкающим фоном звучал перестук нескольких десятков сердец, хозяева которых томились в комнате для сбора крови. Я не мог оставить все как есть, но в одиночку мне не справиться с оравой сытых вампиров. Позови я на помощь отца и остальных, и вместе мы бы разобрались с проблемой, но после меня бы снова заперли в тесной камере. И вряд ли мне удалось бы повторить побег.

Время шло, а решение все не находилось. Я совсем отчаялся и достал из кармана мобильный телефон. Свет экрана разрезал сизый сигаретный дым. Отыскав номер отца, я задумался. О том, чтобы выбирать сторону баррикад, на которой я нахожусь, не могло быть и речи. Пусть я вампир, но сердце-то у меня охотника. Мне чужд новый мир, в котором я оказался волей судьбы.

Вздыхнув пару раз поглубже, опустил палец на кнопку вызова. В тот момент, когда я собрался нажать на неё, сверху донесли выстрелы.

Глава 5. Свой среди чужих

Ситуация в подвале поменялась в считанные секунды. Мгновение назад вампиры чувствовали себя хозяевами жизни и спокойно предавались излюбленным занятиям, как вдруг запах пороха потеснил сигаретный дым. Шок от внезапного нападения быстро прошел, вампиры заматались в поисках убежища, но выход из подвала надежно заблокировали охотники. Уверен, этот переполох дело их рук.

Я хотел кинуться навстречу силам наступления, желая оказать им помощь, когда меня кто-то схватил за руку и потащил вглубь коридора. Я обернулся и увидел перепуганное лицо Макса.

– Быстрее. Надо уходить отсюда.

Я бездумно волочился вслед за вампиром, осознав, что, если покажусь охотникам на глаза, они тут же меня пристрелят, а с рассветом сделают из меня барбекю. Вряд ли они станут слушать мои объяснения, и уж точно никто не поверит, что я на их стороне.

Макс завел меня в одно из дальних помещений. Вампир отодвинул железный шкаф, за ним пряталось вентиляционное отверстие. Лаз был широким, в самую пору для взрослого человека.

Макс полез первым, пока я наблюдал, чуть приоткрыв дверь, за происходящим в коридоре. Охотники теснили вампиров. Выстрелы звучали все ближе. Вампиры не остались в долгу, открыв ответный огонь. Воздух пропитался тяжелым ароматом крови раненных людей.

Я обернулся к лазу. Макс наполовину скрылся в его недрах, когда я понял, что не могу позволить вампиру сбежать. Схватив его за ноги, потянул сопротивляющегося кровопийцу назад. Пару раз нога, обутая в тяжелый ботинок, достигла цели, ощутимо ударив меня по плечу, но я затащил Макса обратно в комнату. Наши глаза встретились, и вампир зло прошипел:

– Предатель!

Я не стал его разубеждать. Хотя, конечно, никакого отношения к визиту охотников не имел. Времени на разговоры не было. Недолго думая, я, собрав всю силу в кулак, ударил Макса в область сердца. Грудная клетка прогнулась, раздался треск ломаемых ребер. Пальцы коснулись сердца кровопийцы. Оно было холодно и безжизненно. Вырывая его из груди вампира, я не ощущал себя убийцей. Разве можно убить того, кто и так уже мертв?

Я придвинул шкаф на место, чтобы никто не воспользовался лазом. Судя по всему, о нем знал только Макс. Открыв дверь, я шагнул в коридор. Мимо пробежал раненый в живот вампир. Раздался выстрел, и пуля уложила кровопийцу, на время лишив его возможности сопротивляться.

Пол был усеян телами. Вампиры и охотники лежали друг на друге. Их кровь смешалась, и уже нельзя было разобрать, кто есть кто. Из-за поворота коридора доносились звуки борьбы, но выстрелы звучали реже.

Я прижался к стене и закрыл глаза. Вот сейчас какой-нибудь охотник завернет за угол, заметит меня и прикончит. Ожидание тянулось недолго. Я узнал о его приближении по биению сердца. Разомкнув веки, увидел перед собой молодого паренька. Он удивительно походил на моего младшего брата. Та же копна светлых волос и горящие азартом глаза. Дуло его пистолета смотрело прямо мне в лоб. Интересно, что чувствуешь, когда тебе стреляют в голову?

Я наблюдал за тем, как палец охотника давит на пуск. Еще секунда, и пуля разобьет мои мысли на сотни осколков. Я мог бы броситься вперед и перегрызть охотнику глотку. Он бы даже не понял, что происходит. Но уж лучше умереть, чем превратиться в чудовище.

В тот момент, когда я прощался со своей никчемной жизнью, из-за угла показался еще один охотник. Я не обратил на него внимания, но он неожиданно бросился к нам и схватил целившегося в меня мальчишку за запястье.

– Не стреляй!

Мы оба: и я, и парень уставились на охотника. От удивления я не мог прийти в себя. Передо мной стоял никто иной, как Денис Хлестов – замечательный охотник и просто хороший товарищ. Вместе с ним мы раскрыли немало дел. Он отлично знал и меня, и мою семью.

– В чем дело? – молодой охотник негодовал по поводу сорванной казни.

– Нам пригодится «язык». И так перестреляли всех вампиров. Поговорить не с кем, – Денис не подал вида, что знаком со мной, и я решил подыграть ему.

Мальчишка пожал плечами:

– Вот сам с ним и разбирайся.

Потеряв ко мне интерес, парень пошел дальше по коридору, выискивая чудом уцелевших вампиров.

Я раскрыл рот, желая поприветствовать старого знакомого, но Денис знаком велел помолчать. Повернув меня спиной к себе, он приставил дуло к моей пояснице и приказал идти вперед. Я послушно сложил руки за спиной и опустил голову. Так мы проследовали мимо охотников. Если кто-то и бросал в нашу сторону взгляды, меня принимали за пленника. Куда больше охотников волновали тела поверженных вампиров, которые необходимо было поднять на поверхность до рассвета, чтобы предать солнцу и огню. Миновав опасность, мы вышли на улицу.

Я осмотрел подъезд к дому и насчитал минимум десять машин. Акция по уничтожению логова вампиров была масштабной. Я втайне радовался, что все сложилось именно так. Хотелось верить, что кого-то из числа повешенных на крюках людей еще можно спасти.

Мы свернули за угол дома. Здесь Денис опустил пистолет, но убирать его за пояс джинсов не торопился, держа наготове. Пусть мы и были когда-то товарищами, но полностью мне доверять он не мог. Только не в новых условиях.

– Рассказывай.

Это послужило мне сигналом. Присев на корточки, я обхватил голову руками, и слова сами полились из меня. Мне было необходимо выговориться. Я не заметил, как поведал Денису всё, что случилось со мной с тех пор, как мы не виделись. Он знал Амаранту и то, кем она является, поэтому моя история не сильно его удивила.

Я замолчал. Денис повертел в руках пистолет и спрятал его за ремень, прикрыв курткой.

– Всё к этому и шло.

Я поднял голову и посмотрел на охотника.

– Хочешь сказать, ты предполагал, что я стану вампиром?

– По-моему, это было предсказуемо.

– Но я этого не хотел.

– Выходит, ты собирался жить с вампиршей и оставаться при этом человеком. Тебе не кажется, что это звучит странно?

Я отвернулся, понимая: в чем-то он прав. Только признаться в этом себе не так-то просто.

– Что ты собираешься со мной сделать? – спросил я у Дениса.

– Да ничего, – он махнул рукой. – Ступай себе на все четыре стороны.

– А как же другие охотники? Тебя ждут неприятности.

– С чего вдруг? – он искренне изумился. – Скажу, что ты сбежал. Никто не станет проверять мои слова.

– Почему ты меня отпускаешь? – я не мог поверить в то, что охотник в здравом уме способен выпустить вампира. Пусть сам когда-то поступил так же, но мной двигала симпатия к вампирше. – Я – вампир.

– Снаружи может и вампир, – согласился Денис, – но по сути ты охотник. Люди часто видят только внешнее, но главное-то внутри.

– Боюсь, это не уберезет меня от ошибок. Что если я убью человека?

Охотник кивнул и присел рядом со мной.

– Понимаю твои терзания, но знаешь, люди тоже убивают людей. Совершенно не имеет значения, кто ты, важно, к чему ты стремишься. Если хочешь быть лучше – будь. Кто может тебе это запретить?

Я нахмурился.

– Мне даже пойти некуда. Я изгой.

– Я слышал, ты знаком с Ярославом, – Денис запрокинул голову и посмотрел на звезды.

– Причем тут он?

– Он смог бы приютить тебя на время.

– С чего бы ему помогать мне? – я поразился уверенности Дениса в доброй воле вампира.

– Я давно знаю Ярослава, он симпатизирует бедным и обездоленным. В любом случае отныне твой дом среди вампиров. Если, конечно, ты не собираешься вернуться в семью.

Последнее предложение я мигом отверг. Уж лучше обратиться к опасному вампиру из числа «первых», чем снова видеть лица предателей.

Со стороны фасада послышались голоса – охотники выходили из логова. Я вскочил на ноги, Денис последовал моему примеру.

– Поторопись. Мои друзья редко промахиваются.

Мы обнялись на прощание, как два старых товарища, и я помчался прочь от злополучного дома. Благо выпитая кровь пополнила мои силы. Понятия не имею, что сказал остальным Денис, но погони за мной не было.

Глава 5. Подарок на новоселье

Я решил воспользоваться советом Дениса. Этот парень владел даром убеждения. А может, это я настолько отчаялся найти смысл и цель в новом для меня мире, что просто ухватился за первую подвернувшуюся возможность, но проблем с выбором не возникло. Я почти молниеносно понял, что поеду к Ярославу. Почему именно к нему? Да кто теперь разберет.

Ночная Москва была хороша, как принарядившаяся проститутка. Она выпячивала достоинства на показ, скромно маскируя недостатки за толстым слоем грима из неоновых огней и ярких вывесок. В тени светского блеска скрывались грязные подворотни, переполненные наркоманами и бомжами, сточные канавы, кишачие крысами. За ароматами дорогих духов улавливался запах разложения.

Клуб вампиров я нашел по памяти. Со времени моего последнего визита в глухом переулке, что оканчивался тупиком, ничего не изменилось. Мусорные баки были все так же переполнены, ветер развеял их содержимое по улице, а снег припорошил сверху, отчего подворотня казалась девственно чистой. Но стоило копнуть глубже, и наружу проступал её истинный облик, состоящий из отживших свой век пакетов, использованных шприцов и картофельных очистков.

Я постучал в обитую коричневым дерматином дверь, по бокам которой подобно львам на Питерском мосту стояли два мусорных бака. Скрипнул засов, небольшое смотровое окошко неспешно отворилось, и на меня уставилась пара умных глаз. Для входа в клуб требовался пароль, но я, признаться, напрочь его забыл, а потому рассчитывал на свое очевидное родство с вампирами.

Спустя пару секунд дверь открылась, и молодой парень пригласил меня войти. Готов поклясться, он еле сдерживал усмешку, когда я проходил мимо. Ведь не так давно я переступал этот порог еще будучи человеком.

Сдерживая гнев, я прошел в зал с фризерами. Их пустые глаза и мысли меня не волновали. У меня была цель, имя которой Ярослав. Я притормозил у барной стойки в красном зале, где стены выглядели так, словно их минуту назад залили свежей кровью. Но задерживаться не стал. Играть в вежливость не было настроения, поэтому сразу направился к столу вампиров, что надежно скрывался от посторонних глаз в тени полупрозрачной занавеси. Газовая ткань походила на облако тумана. Махнув рукой, я откинул занавесь и шагнул вперед.

К моему великому разочарованию Ярослава за столом не оказалось. Зато там сидели три вампира, и мой неожиданный визит их явно не обрадовал. Тот, что был ближе ко мне, вскочил на ноги, схватил меня сзади и распротер на столе. Я лежал лицом вниз: алая скатерть щеколтала подбородок, руки были заломлены за спину, и всякая попытка освободиться приводила к одному – вампир усиливал нажим. Похоже, он всерьез вознамерился вдавить меня в стол.

– Разве так принято встречать гостей? – с трудом прохрипел я.

– Разве гости не должны предупреждать о своем визите заранее? – не остался в долгу качок за моей спиной.

Один из вампиров куда-то скрылся, и мы остались втроем. По тому, с каким пристальным, можно сказать гастрономическим интересом, изучали меня эти двое, я предположил, что ничего хорошего меня не ждет. Вот уж не знал, что среди вампиров процветает канибализм. Не успел я как следует проникнуться этой пугающей мыслью, как позади раздались уверенные шаги.

Спокойный, сдержанный голос произнес:

– Вот так встреча!

Руки, державшие меня, внезапно разжались, и я получил свободу. Я обернулся и увидел улыбающегося Ярослава. Ростом он едва доставал мне до подбородка, но это не мешало ему

быть на голову выше всех в этом зале. Задумчиво окинув меня взглядом, «первый» обогнул стол и удобно устроился на диване: голова откинулась на многочисленные подушки, ноги вытянулись вдоль дивана, одна рука покоилась на подлокотнике, второй он поглаживал подбородок.

– Кое-что изменилось с нашей последней встречи, не так ли? – хмыкнул Ярослав. Он подал знак своим головорезам разойтись, и те послушно посеменили прочь. Вампир указал мне на кресло, приглашая присесть. Я не стал спорить, так как безумно устал.

– Я больше не человек, – заявил я прямолинейно.

– Да неужели? – Ярослав хитро прищурил черные глаза. Он собрался неплохо развлечься за мой счет. Но вместо законной в такой ситуации злости я испытывал апатию. Сил сопротивляться и тем более что-то доказывать не было. – Могу я спросить, как это произошло? Как ты стал *не* человеком? – он намеренно использовал это словосочетание: «не человек». «Первый» дразнил меня, желая понять, насколько далеко я зашел в ненависти к самому себе.

– Я умер. А потом ожил.

– Обычно так и бывает.

Наступила пауза. Ярослав с любопытством изучал меня, как неведомую науке зверушку. Мне чудилось, что меня рассматривают под микроскопом, заглядывая в самые потаенные уголки моей души. Если, конечно, таковая еще имелась.

– Я готов тебе помочь, – наконец, заговорил вампир. – Я дам тебе дом и пищу, но ты должен быть послушным.

– Служить тебе? – я мгновенно напрягся.

– Боже упаси! – отмахнулся Ярослав, и мне на секунду показалось, что он еле сдержался, чтобы не перекреститься. – Такие работники мне ни к чему. Даже теперь ты больше охотник, нежели вампир.

– Тогда что тебе нужно?

– Мне нужно, чтобы ты был максимально вежлив и приветлив.

Я изумлено округлил глаза, не понимая, куда клонит «первый». Ярослав, видя моё замешательство, пояснил:

– Живи здесь сколько пожелаешь, я не стану ограничивать твоё перемещение и контролировать твои действия, но ради Бога позабудь о дурной привычке убивать вампиров, – Ярослав поднялся, поправил галстук и добавил голосом, от которого повеяло дыханием Арктики: – тронешь кого-нибудь хоть пальцем, и я лично приду за тобой.

Я едва смог кивнуть в ответ на это заявление, отчетливо осознавая: это не угроза, а обычная констатация факта. Я теперь не то, что тронуть, лишний раз посмотреть в сторону вампира буду бояться. Меньше всего хотелось, чтобы это безмерно древнее и чертовски опасное существо явилось по мою душу.

Ярослав собрался оставить меня наедине с тяжелыми думами, но вдруг задержался:

– А я, грешным делом, думал, что этот путь предначертан твоему брату. Из него бы получился отличный вампир. Не в пример тебе.

Я поднял удивленный взгляд на «первого», но он уже не смотрел в мою сторону.

Ярослав не обманул: мне выделили однокомнатную квартиру в доме, где находился клуб. Все здание принадлежало кровопийцам. Моими соседями стали несколько десятков вампиров. Мог ли я раньше о таком мечтать? Да этот дом для любого охотника непочатый край работы. А я вместо того, чтобы сжечь его вместе с монстрами, сделался одним из них.

Квартира была уютной: в спальне большая кровать, на кухне двухстворчатый холодильник, доверху набитый емкостями с кровью, на окнах глухие ставни. Что еще нужно недавно обращенному вампиру для полного счастья?

Днем жизнь в доме замирала, чтобы ночью возобновиться с новой силой. Клуб работал без выходных. Скоро я понял, что все, кто вхож в его стены, так или иначе, принадлежат к миру кровопийц. Даже те, чьи сердца бились, были в курсе происходящего.

Дни шли своей чередой. Меня, как и обещали, не трогали, но я был чудовищно одинок. Мои ночи проходили в уединении: я сидел на кухне, потягивал кровь через трубочку и думал о том, что оставил в прошлой жизни.

В один из таких вечеров в дверь моей квартиры постучали. Недоумевая, кто бы это мог быть, я пошел открывать. Новыми друзьями обзавестись не успел, а старые вряд ли бы искали меня здесь. Движимый любопытством, я распахнул дверь и уперся взглядом в стройную, высокую девушку. Медные волосы падали ей на плечи, слегка закручиваясь на концах. Они походили на языки пламени первобытного костра. Сливовые глаза смотрели внимательно и насторожено.

Обескураженный этим визитом, я взял себя в руки и улыбнулся гостье. Лана – правая рука и просто любимая игрушка Ярослава – игнорируя меня, прошла в квартиру. Первым делом вампириша направилась к холодильнику. Её бедра, обтянутые идеально сидящими джинсами, покачивались в такт шагам. Девушка не обернулась, чтобы взглянуть на меня. Она и без того знала, какой эффект производит её походка.

– Твоё уединение нас беспокоит, – не дожидаясь меня, заявила Лана из кухни.

Я присоединился к девушке, которая уже наполнила себе бокал кровью и устроилась с ним на подоконнике.

– С каких это пор Ярослав так печется обо мне? – я залпом осушил свой бокал, испытывая неловкость оттого, что Лана видит, как я пью кровь.

– Особенный ты для него: вампир по сути, но сердце у тебя охотника.

– Ну, конечно. И поэтому он решил меня усыновить, – я недобро усмехнулся, демонстрируя, что я думаю об альтруизме Ярослава.

– Ты – часть семьи. Тебя мы приняли. Так почему бы не радеть нам о твоём благополучии? – манера Ланы говорить немного раздражала, но приходилось подстраиваться.

– Я сейчас заплачу от умиления, – съязвил я в ответ, не зная, как реагировать на подобное заявление. Быть частью семьи вампиров – это не совсем то, о чем я мечтал.

Видя мою непробиваемость, вампириша изящно спрыгнула с подоконника. Пара невесомых шагов, и расстояние между нами сокращено до неприличного минимума. Вампириша подавалась вперед и прижалась ко мне. Её пальцы вцепились мне в волосы. Она поцеловала меня требовательно, даже нахально, бросая вызов, но почему-то казалось: она не ожидала, что я его приму. Именно эта наивная уверенность меня подзадорила. Желая проучить вампиришу, я обнял ее за талию и ответил на поцелуй с не меньшим пылом. При этом мой разум четко фиксировал происходящее, а тело оставалось равнодушным, точно не было в моих объятиях молодой, красивой девушки. Такая холодность изрядно встревожила меня, но я списал её на своё безразличие к вампирише. Как и ожидал, мой напор обескуражил Лану. Она отстранилась, уперев руки мне в грудь, будто и правда опасалась, что я наброшусь на неё. Лана чувствовала себя неловко, а я равнодушно наблюдал за её действиями и гадал, как далеко она пойдет. Или вернее будет спросить, насколько далеко ей приказал зайти Ярослав?

Несколько секунд Лана изучала меня, тяжело дыша. Наконец, в фиолетовых глазах мелькнула решимость. Девушка снова придвинулась ко мне, чтобы продолжить прерванный поцелуй, но я к этому моменту утратил интерес к игре. Мягко взяв руки вампириши, я развел их в стороны, освобождаясь из томного капкана.

– Ни к чему тратить на меня время. Пусть Ярослав подыщет тебе другое занятие.

Она не настаивала и как будто даже с облегчением отошла назад. Сделав несколько глотков из бокала, Лана кротко улыбнулась мне, точно извиняясь за свое поведение.

– Как догадался ты? – спросила вампириша. Лане было не по себе из-за той роли, что возложил на неё Ярослав. Мне оставалось только подивиться её исполнительности. Способна ли она хоть в чем-то отказать своему господину?

– Это было несложно, – я хмыкнул. – Вряд ли я настолько тебе симпатичен, чтобы ты пожелала меня соблазнить.

– Велел мне Ярослав тебя развлечь, – призналась девушка и вновь пристроилась на подоконнике. – Встревожен он, что ты за старое способен взяться.

– Ярослав боится за своих вампирчиков? – я наполнил наши бокалы новой порцией крови, мы чокнулись, как два друга, и выпили. – Должно быть, паршиво быть на побегушках у «первого»?

Лана отвернулась к окну. Некоторое время она разглядывала ночную улицу, а потом, не поворачивая головы, тихо произнесла:

– Таков удел мой. Сердце любящее должно послушным быть.

Я хотел возразить и сказать, что отношения Ланы и Ярослава похожи на что угодно, только не на любовь. Но вовремя вспомнил собственную историю. Кто я такой, чтобы судить других?

– Как твоё полное имя? – неожиданно спросил я. Мне вдруг показалось важным это знать.

– Светлана.

– Приятно познакомиться, Светлана.

Мы улыбнулись друг другу. Так в моей новой жизни появился первый друг.

Глава 6. Опасные связи

Жизнь постепенно набирала обороты. Я все чаще покидал квартиру, прогуливаясь по улицам ночной Москвы. Этот город начал мне нравиться. Невозможно было оставаться равнодушным к манящему свету реклам, шумным улицам, набитым машинами, как консервы сардинами, и темным переулкам – затерянным оазисам покоя среди людской суеты.

Очередной вечер, из бесконечной череды которых отныне состояло моё существование, я думал провести среди других вампиров в клубе. Надо было как-то вливаться в тусовку. Надоело быть затворником.

Красный зал встретил меня ароматом дорогих сигар, дым от которых парил в воздухе, причудливо преломляясь в неярком свете настольных ламп. Посетителей сегодня было в избытке, и я запоздало вспомнил, что выбрал не самый подходящий для первого визита день – субботу. Но отступить было поздно. Я протолкался к свободному столику, что прятался в углу, присел и затаился. Отсюда открывался прекрасный вид на зал, тогда как я сам был практически незаметен.

Скользя взглядом по гостям, вполуха прислушивался к их разговорам и чувствовал себя как посетитель театра, перед которым разыгрывается интересная сценка. Мужчины через одного сверкали дорогими перстнями и золотыми часами, женщины могли похвастаться бриллиантами размером чуть ли не с перепелиное яйцо и одеждой известных марок. Люди так старательно выпячивали своё благосостояние, будто пришли сюда только за тем, чтобы продемонстрировать другим: им тоже есть чем гордиться. Любопытно сколько эти богатеи заплатили за вход? С доходов клуба вполне можно жить и при этом ни в чем себе не отказывать. Похоже, вампиры нынче в моде.

Были и другие посетители, рангом пониже. Одеты были посредственно, пальцы не блестели от обилия колец, но они заинтересовали меня куда больше. Их взгляды непрестанно рыскали по залу. Жадные, внимательные глаза на секунду задерживались на чьем-либо лице, чтобы через мгновение разочарованно отвернуться. Один из таких взглядов достался мне. Молодая девушка лет восемнадцати пристально изучала меня. Она смотрела так настойчиво, точно на моем лице написана тайна мироздания и она силится её прочесть. Не прошло и минуты, как девушка направилась ко мне.

Она ловко лавировала между столиками, старательно копируя грациозную походку вампиров. Увы, получалось не очень. Как бы прилежно девушка не повторяла заученные движения, все равно казалось, что она идет по тонкой доске, раскачиваясь из стороны в сторону, и вот-вот упадет. Вместо восхищения, которое я испытывал, наблюдая за легкой поступью Амаранты или Ланы, глядя на эту девушку, чувствовал жалость. Наверняка у бедняжки все мышцы свело судорогой.

Девушка, как ей мнилось, изящно присела на стул напротив меня, на самом же деле она скорее на него повалилась, и вызываяще мне улыбнулась. На языке тела эта улыбка означала: «возьми меня». Я скептически окинул взглядом чересчур худые руки, выдающие склонность к анорексии; чрезмерно откровенный вырез черного платья, который, к сожалению, оказался бесполезен, так как посмотреть было не на что; коротко стриженные каштановые волосы; ярко-алую помаду на губах; и приуныл. О влиянии внешности вампиров на людей мне не раз говорила Амаранта. Человек не в состоянии сопротивляться обаянию вампира. Он летит на его свет, как мотылек на огонь. Результат в обоих случаях одинаков – неминуемая гибель.

– Привет, – поздоровалась девушка, и я решил, что меня ждет банальная беседа о погоде, но она сумела меня удивить, прямолинейно заявив: – ты – вампир!

В её устах это прозвучало так, будто я как минимум лучший гонщик Формулы-1. Я не нашелся, что ответить, и вместо слов пораженно уставился на юную любительницу острых ощущений.

– Меня зовут Анжела, – снова томная улыбка. Пришлось кивнуть, чтобы показать – я оценил её имя. Вряд ли оно было настоящим. – Я могла бы стать твоей.

Такого откровенного предложения в первые минуты знакомства мне ни разу не делали. Я нарочно грубо ответил, рассчитывая, что девушка обидится и отстанет:

– Спасибо, я не настолько одинок.

– У тебя уже есть послушники? – она на секунду задумалась, а потом нагнулась ко мне и многозначительно добавила: – говорят, у меня сладкая кровь, – желая подтвердить свои слова, Анжела выудила из недр кармана маленький складной ножик. Щелкнула пружина, и девушка поднесла лезвие к вене на запястье.

Я откинулся на стуле, увеличивая дистанцию между нами и еле сдерживая смех. Новая знакомая сулила мне свою кровь в обмен на обещание её обратиться. Не удивлюсь, если подобные заманчивые предложения норма для этого клуба. Я собрался было окончательно отшить глупую девчонку, когда у неё за спиной мелькнула тень.

Элегантно одетый вампир облокотился на спинку стула, где сидела Анжела, осторожно, едва касаясь кожи девушки, убрал лезвие от руки и прошептал ей на ухо:

– Милая, такие игры могут быть опасны для здоровья. Шла бы ты домой к мамочке.

Мягкий, с нотками заботливого отца голос вампира точно ввел девчонку в транс. Она испугано сглотнула, поднялась на плохо гнущиеся ноги и поспешила прочь, запямятовав о походке канатоходца-недоучки.

Я, мгновенно позабыв о девчонке, сжал кулаки, пытаюсь сдержать гнев, что клокотал во мне подобно лаве внутри вулкана. Подчеркнуто неторопливо встал и кивнул в сторону двери, приглашая вампира на свежий воздух. На улице я позволил эмоциям взять верх.

– Вот так встреча, – я хищно улыбнулся, представив, как сейчас оторвусь на вампире. Мне выпал уникальный шанс излить скопившееся раздражение, и я не замедлил им воспользоваться.

Не произнеся больше ни слова, бросился на врага. Но он ловко увернулся и ударил меня сзади по спине. Я по инерции пробежал еще несколько шагов, пока не упал на мусорный бак. Переулок огласился эхом от удара металла о лед.

– Полегче на поворотах, камикадзе. Я не питаюсь всякой падалью и способен задать тебе хорошую трепку, – раздался позади меня насмешливый голос Андрея.

Я обернулся и с ненавистью осмотрел поджарую фигуру вампира. Темный костюм сидел идеально, точно был сшит специально на него. Каштановые с золотистым отливом волосы переливались в свете уличных фонарей, серые глаза как всегда равнодушно смотрели на мир, словно тот им невыносимо наскучил.

– Зачем ты здесь? Тебе прислала Амаранта, не правда ли? – спросил я, поднимаясь на ноги.

– Не без этого.

– А ты, значит, поспешил выполнить её просьбу – присмотреть за новообращенным. Надеешься, что она будет настолько благодарна, что при следующей встрече кинется тебе на шею.

– Почему бы и нет? – Андрей одернул рукава пиджака и возразил сам себе: – Хотя о чем это я? Она ведь у нас предпочитает нервных, неуверенных в себе зануд. Что поделать, Амаранта всегда была жалостливой. Вечно её тянет на убогих.

– Всё сказал? – я приготовился к новой атаке, но Андрей, упреждая мой выпад, миролюбиво поднял руки вверх.

– Довольно вражды. Я хочу тебе помочь.

– И как ты себе это представляешь? Будешь направлять меня на путь истинный? Воспитаешь из меня настоящего вампира?

– Последнее едва ли получится, – Андрей убрал руки в карманы, показывая тем самым, что нисколько меня не боится.

– Рад, что ты это понимаешь.

Мой боевой пыл неожиданно иссяк. Чувствуя себя старой развалиной, я устало присел на опрокинутый мусорный бак. Прогнать вампира нереально. Будто прочитав мои мысли, Андрей произнес:

– Можешь избегать меня, даже игнорировать, но я тебя в покое не оставлю.

– Чем же я заслужил такую честь? – вяло поинтересовался я, бездумно разглядывая почерневшую кожуру банана, что валялась напротив моего импровизированного стула, и припомнил Киплинга: – Неужели всё дело в том, что мы теперь одной крови? – я повернул голову к вампиру. Готов поклясться, он мне подмигнул.

– О да, Маугли, – усмехнулся названный брат Амаранты. – Дело всегда в крови. Ты кровь от крови Амаранты, а она моя сестра, так что мы с тобой в некотором смысле родственники.

– Что-то ты не думал о родственных связях, когда целовал Эмми в лесу.

– У вампиров не существует понятия инцест. В этом мы похожи на кошек.

– Черт с тобой, – я подвинулся, и Андрей присел рядом. – И что дальше?

– А дальше мы вернемся в клуб, – вампир демонстративно повел плечами, сбрасывая на землю снежинки, – иначе нам светит превратиться в два сугроба.

– Для тебя это игра, не правда ли? – быстрое раздражение снова шевельнулось внутри меня, как крот в норе. – Я, черт возьми, мертв! Что ты на это скажешь?

– Сочувствую, – вампир откинулся назад, вытянул и скрестил ноги.

– И это все?

– А ты бы предпочел, чтобы мы обнялись и поплакали вместе? – Андрей окинул меня насмешливым взглядом, и я понял, что дальнейший разговор бесполезен.

Я поднял глаза к небу, где подобно блину из числа тех, что пекут на Масленицу, висела луна. Она подмигнула мне, на секунду скрывшись за тучей. Луна точно предлагала: «Попробуй! Чем ты рискуешь?» И я подумал: а ведь вправду ничем. Я и так мертв. Разве может быть что-то хуже?

– Почему бы и нет? – я пожал плечами, встал и направился к входу в клуб. Андрей догнал меня у порога и положил руку мне на плечо. Мы вошли чуть ли не в обнимку, как два старых друга.

Глава 7. Я расскажу тебе сказку

Вампиры приняли Андрея как родного. Ему доводилось бывать в этом клубе, да и с Ярославом он был знаком. Во многом благодаря ему «первый» стал относиться ко мне с некоей долей уважения, чего раньше за ним не наблюдалось. До этого, несмотря на гостеприимство, Ярослав всячески подчеркивал своё пренебрежение ко мне. Теперь он был мил, а порой даже вежлив.

Андрей выполнял обещанное и таскался за мной повсюду, словно мы связаны невидимой нитью. Поначалу это раздражало, но постепенно я свыкся.

Вампир то и дело напоминал мне об Эмми, намекая на опасность, в которой находятся она и все мои близкие. Ведь Грэгори – вампир из числа «первых», мечтающий отправить нас всех к праотцам, – жив и полон жаждой мести. Я отмахивался, как мог, понимая при этом, что Андрей, безусловно, прав. Можно сколько угодно злиться на отца, считать Амаранту предательницей, а брата, не сумевшего меня отстоять, безвольной тряпкой, но дать им погибнуть нельзя. И я решил убить Грэгори, о чем и заявил Андрею, когда мы двое и Лана в очередной раз сидели в зале для фризеров – людей, принимающих зелья из крови вампира. Названный брат Эмми находил забавным наблюдать за передвижениями от замороженных наркоманов. Он говорил: они напоминают ему инфузорий – простейших одноклеточных организмов. За что мы с Ланой в шутку называли его ботаником.

После моего заявления о плане убить Грэгори Андрей посмотрел на меня так, будто я выжил из ума. Казалось, еще мгновение, и он вытащит из кармана сотовый телефон и позвонит в неотложку. Но вместо этого вампир сказал в свойственной ему хладнокровной манере:

– Стесняюсь спросить, но как ты собираешься убить Грэгори? Может, ты забыл, он – «первый» и предположительно бессмертен.

– Ярослав рассказал, что убить «первого» может другой вампир, – возразил я, и Лана кивнула, подтверждая мои слова. – В честном бою.

– Ах, вот оно что! – Андрей закинул ноги на низкий столик. – Спасибо, что просветил. Скажи, как соберешься на вендетту, я поставлю свечку тебе за упокой.

– Ты не веришь в возможность моей победы?

Андрей покачал головой и задумчиво сказал:

– Я все думаю: то ли в самом деле спятил, то ли оптимизм твоего братца заразен. И в том, и в другом случае тебя ждет смерть.

– Значит, необходимо придумать, как одолеть Грэгори. Пожалуй, мне стоит потренироваться.

– Открою тебе секрет, – Андрей повернулся ко мне, и я невольно подался вперед, предвкушая новую информацию о мире вампиров. – Тебе никогда не сравняться силой с Грэгори, как и мне, впрочем. Тягаться с ним может разве что Ярослав. Но что-то мне подсказывает: он не согласится нам помочь.

– Я в курсе, что Грэгори сильнее меня. Все дело в возрасте.

– И да, и нет, – вампир жестом подозвал официанта. Тот наполнил их с Ланой бокалы очередной порцией крови. Я вежливо отказался от добавки, так как намеренно держал себя на диете. Лишь когда он ушел, Андрей заговорил вновь. – Проблема в том, что тебя обратила Амаранта. Видишь ли, каждое последующее поколение вампиров слабее предыдущего. Это что-то вроде закона сохранения энергии. Амаранту обратил «первый», и она переняла часть его силы, ты в свою очередь взял немного от неё, если соберешься настрогать маленьких вампирчиков, то они выйдут еще более хлипкими. Улавливаешь последовательность? Конечно, если «первый» даст тебе свою кровь, ты переживешь нечто вроде второго обращения и сравнишься силой со мной и Амарантой, но не более того.

Мне не нужно было объяснять дважды, чтобы понять, к чему он клонит: даже через сотни лет я буду слабым огоньком свечи по сравнению с пламенем костра Грэгори. А значит, мне его никогда не одолеть. Неожиданно меня посетила идея. Я подпрыгнул на месте, из-за чего Лана чуть не пролила на дорожное платье содержимое своего бокала.

– Но кто-то же обратил Грэгори?!

Андрей аккуратно поставил бокал на стол и нехотя кивнул:

– Может, и так. Но это вопрос из разряда, что было раньше: курица или яйцо.

– Погоди-ка, – я усмехнулся, – ты понятия не имеешь, откуда появились вампиры и кто ваш прародитель.

– Я, знаешь ли, никогда не интересовался историей. Гуманитарные науки не мой конек.

– Ярослав может ответить на твой вопрос, – впервые за вечер подала голос Лана. – Такие вещи ведомы ему.

– А ведь и правда, – воодушевился я, – Ярослава обратил тот же, кто и Грэгори. Они же братья.

– Желаю удачи, – вампир махнул рукой в сторону двери. – Так и вижу, как Ярослав делится с тобой воспоминаниями детства. Расскажешь потом, как всё прошло.

– Боюсь, что прав Андрей, – понуро произнесла вампирша. – Хозяин не привык делиться с другими свою жизнь. Тайны он бережно хранит.

– Но спросить-то можно, – не сдавался я.

– Тебе можно всё, – Андрей похлопал меня по плечу. В последнее время этот жест стал для него привычным, только в его исполнении он означал не дружескую поддержку, а откровенную издевку.

Но меня не смутили насмешка вампира и скепсис Ланы. Я решил, что за вопрос меня вряд ли убьют. Оставалось найти подход к Ярославу, и лучше всего сделать это наедине. Весь клуб прекрасно знал о привычках «первого». Каждую ночь он ровно в час ноль-ноль в гордом одиночестве поднимался на крышу здания. Мы не понимали смысла этого странного ритуала. Возможно, Ярослав любовался звездами или предавался мечтам о солнце, которого не видел ни одну тысячу лет, а может строил коварные планы на будущее. Как бы там ни было, я посчитал это самым удобным временем для разговора по душам.

Следующей ночью без четверти час я пробрался на крышу и затаился в ожидании «первого». Он был точен как швейцарские часы. Ровно в час дверь распахнулась, и фигура вампира четко вырисовалась на фоне неоновых реклам.

– Вижу, сегодня у меня будет компания, – произнес Ярослав и направился к парапету, легко вскочил на него и сел, свесив ноги вниз. – Присядешь?

Я не удивился тому, как быстро он узнал о моем присутствии, зато порадовался, что меня не прогнали. Это хороший знак. Повинуясь властному жесту «первого», я устроился сбоку от него. Далеко внизу виднелась мостовая с редкими в этот час пешеходами. Ветер на такой высоте был особенно силен, он трепал волосы и надувал рубашку как парус, пытаясь столкнуть меня вниз.

Ярослав запрокинул голову и смотрел на небо. Его лицо было безмятежно, он любовался красотами ночи. Трудно было поверить, что спустя столько времени «первый» в состоянии радоваться простым вещам.

– Ты о чем-то хотел поговорить, Влад? – спросил вампир, не отрывая взгляда от звезд.

– Сколько тебе лет? – поинтересовался я.

– Не сосчитать. Моя память простирается до смутных времен, когда человечество стояло у порога своего существования.

– Должно быть, это ужасно, – прошептал я, не сознавая, что говорю вслух.

Вампир посмотрел на меня и улыбнулся. Это была улыбка доброго старика Хоттабыча, ему ведомы все тайны мира, и он готов исполнить любое твоё желание. Главное правильно его загадать, чтобы не стало ещё хуже.

– Прожитые годы – накопленная мудрость. Одно я усвоил четко: этот мир во много раз прекраснее, чем мы можем себе представить. Я ещё не познал и сотой доли его сокровищ.

– И ради этого, конечно, стоит жить вечно? – хмыкнул я, полагая, что таким нехитрым способом вампир оправдывает свою сущность.

– Жить стоит в любом случае. Надо только помнить: когда идешь по трупам, можешь поскользнуться в их крови.

Подобное напутствие заставило меня поежиться. На мгновение я забыл, что имею дело не с мудрым старцем, а с вампиром, прожившим на этом свете много сотен лет. Если он и владел в совершенстве чем-либо, то это искусством убивать.

– Мне необходимо знать, кто тебя обратил, – сказал я, а сам почувствовал себя так, словно шагнул с крыши вниз. Несколько секунд я падал, не зная, что последует за моими словами: мгновенная смерть или неожиданное поощрение.

Ярослав в который раз удивил меня. Вместо вспышки гнева, казавшейся неминуемой, он покачал ногой, раздумывая, и произнес:

– Я расскажу тебе древнюю легенду. Меня ещё не было на этом свете, когда она уже передавалась из уст в уста. Это легенда о прекрасной царице и её супруге – фараоне.

Я замер, перестав дышать. Сейчас Ярослав поведает мне нечто безмерно важное, и я приготовился ловить каждое его слово. Когда он заговорил, даже ветер притих. Все звуки отступили на задний план. Остался только бархатный голос вампира и рассказываемая им история.

– Это случилось много тысячелетий назад, когда человечество было молодо и жило в согласии с природой и божествами. Главным среди богов люди почитали солнце и называли его Ра. В то время в сердце бескрайней пустыни процветало могущественное государство Египет. Воды Нила служили главной артерией величественной империи, пески надежно охраняли границы от врагов, трудолюбивый народ изо дня в день увеличивал богатства страны, возглавляли которую фараоны – смертные, мудростью подобные богам. Египтяне чтили своих повелителей и поклонялись своим богам. А в то далекое время боги ещё давали себе труд существовать, – Ярослав говорил, и перед моим внутренним взором разворачивались видения древнего города. Я словно очутился в сказке.

– В один из дней на престол египетский взошел юноша по имени Рамсес. Он был молод, но умен не по годам. Под его руководством Египет благоденствовал, и сокровища его неустанно приумножались. Однажды фараон отдыхал в тени сада от государственных дел и заметил прекрасную девушку. Её фигура походила на тонкий стебель лотоса, глаза – на синие воды Нила, кожа – на золотые пески пустыни, волосы – на черный уголь от костров бедуинов. Девушка словно была соткана из солнечного света и утренней росы, – Ярослав на миг замолчал, а меня посетило видение: восхитительная египтянка в традиционном платье, состоящем из куска белой материи, обернутого вокруг тела от шиколоток до груди и поддерживаемого двумя бретелями. Она была удивительно хороша собой, её раскосые глаза с восхищением смотрели на мир, искрясь от радости и смеха.

– Фараон не мог оторвать взгляд от точеной фигуры прелестницы и решил проследить за незнакомкой. Он крался за ней до входа в храм и дальше под его своды. Ничего не видел вокруг Рамсес: ни грозной статуи бога Сета, что строго взирала на непокорных; ни дрожи факельных огней, что отбрасывали свет на мраморный пол; блеск драгоценных камней, что украшали алтарь, не тронул Рамсеса. Не замечая великолепного убранства храма, он подошел к девушке. Её одну видели его глаза.

«– О, прекрасная дева! – произнес фараон. – Ты подобна богине Исиде своей красотой. Ра-солнце, выезжая в золоченой колеснице на небосклон, первым делом бросает взор в твою

сторону. Нил восторженно замирает, прекращая свое течение, завидев тебя. Все боги и смертные падают ниц, сраженные твоей дивной прелестью. Вот и я покорен, не вступив в бой. Мои глаза не видят никого кроме тебя. Приди в мой дом, о божественная, спаси меня от страданий жизни без тебя и стать моей царицей!»

Слова фараона тронули сердце девушки и ранили его подобно острой стреле. Отныне она сама желала смотреть лишь в его сторону. В тот же день Нефертари оставила храм Сета, которому поклялась служить жрицей, и стала женой фараона и царицей Египта.

«Нефертари», – я мысленно повторил имя царицы, точно пробуя его на вкус. Оно звучало как забытая, упоительная мелодия. Хотелось вслушиваться в её ноты снова и снова.

– Не было супругов счастливее во всем мире, – Ярослав печально улыбнулся, и я впервые подумал, что у этой истории грустный конец. – Фараон и царица так нежно, так страстно любили друг друга. Они шли рука об руку по жизни. Тридцать лет их любовь не знала усталости, и глаза фараона всегда смотрели только на его царицу.

Но шло время, и старость подкралась к ложу Нефертари. Ее фигура не была как прежде стройна: она потеряла ее, даря фараону наследников. Волосы не были как прежде черны: они поседели из-за волнения за жизнь и здоровье фараона. Кожа не была как прежде гладкой и свежей: она покрылась морщинами, каждая из которых – улыбка, подаренная фараону. И однажды взгляд супруга отвернулся от царицы и пал на служанку. Шло время, все новые юные наложницы приходили в покои Рамсеса, куда Нефертари больше не было входа, – я от всего сердца сочувствовал царице, в эту секунду был готов перейти на сторону женщин и подобно им заклеить мужчин позором за непостоянство и распутство.

– Царица сходила с ума от горя, её сердце до сих пор пылало любовью к фараону, как и в первый день их встречи. Снедаемая ревностью, она кинулась в храм Сета – бога ярости, разрушения и войны, упала на колени перед его алтарем и взмолилась:

«– О великий Сет, если ты слышишь меня – твою недостойную рабу – прошу, внемли моей мольбе: верни мне былую юность и красоту, чтобы супруг мой как ранее смотрел лишь в мою сторону».

Царица стонала, и слезы отчаянья текли по некогда прекрасным щекам. Раздался грохот, содрогнулись стены храма, и несчастная увидела перед собой высокого мужчину с головой шакала и глазами цвета смерти.

«– Женщина, – молвил Сет, и голос его был подобен сошедшей с гор каменной лавине, – я услышал тебя. Подойди и возьми то, о чем ты так жадно молила. Но помни, взамен тела ты отдашь мне душу. Отныне, чтобы жить самой, ты будешь отбирать жизни других. Навечно».

Царицу ослепило несчастье, она не думала о последствиях дара Сета и кинулась к черному богу, – я оцепенел, осознавая, что, возможно, первый за много сотен лет слышу историю возникновения вампиров.

– Сет разрезал запястье и дал царице выпить своей крови, – Ярослав жестом продемонстрировал, как это произошло. – Но не успела Нефертари сделать и пары глотков, как храм озарила ослепительная вспышка, и появился мужчина с головой сокола, окутанный золотым сиянием. То был величественный бог Ра – повелитель всех богов.

«– Женщина, – молвил Ра, и его голос был подобен рокоту морского прибоя в шторм, – ты посмела вкусить запретной крови. Я проклинаю тебя. Впредь я и образ мой будут беспощадно преследовать тебя и тех, кто посмеет пойти за тобой. Никогда больше не увидишь тебе солнца. Навечно».

Царица вскрикнула от ужаса, так напугало ее проклятие бога-солнца, но изменить что-то была не в силах: яд распространился по венам, – я подался вперед. Так вот почему вампиры боятся солнца!

– Нефертари возвратилась во дворец – юная и прекрасная – как в первый день встречи с фараоном. Стоило Рамсесу увидеть супругу, и он не смог оторвать от нее взгляд. Он снова

видел перед собой лишь свою царицу. И счастье его было бы безмерно, если бы не сомнения, терзавшие душу. С момента возвращения царица не покидала опочивальни с восходом солнца, не вкушала яств с супругом, и ее молодость была непонятна фараону.

Снедаемый сомнениями Рамсес приказал лучшему шпиону следить за Нефертари. Не прошло и недели, как тот рассказал фараону, чем занимается царица в своих покоях. Он поведал о том, что она пьет кровь невинных девиц, чтобы сохранить свою молодость и красоту.

Рамсес впал в ярость и повелел доставить к нему царицу. Он смотрел на алые губы Нефертари и видел кровь замученных ею жертв, заглядывал в синеву глаз, и ему чудилась её проклятая на веки душа, касался мраморной кожи, но она обжигала его, как пламя костра. И тогда фараон отвернулся от царицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.